

НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ по ДОСТУПНОЙ ЦЕНЕ!

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

Альберт МАКСИМОВ

ПОПАДАНЕЦ САШКА

Альберт Максимов
Попаданец Сашка
Серия «Народная фантастика»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7063566

Попаданец Сашка: фантастический роман / Альберт Максимов: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72254-9

Аннотация

Тринадцатилетний Сашка внезапно оказывается в чужом для него мире. Вместо лета – зима, вместо вечера – утро. И волки... Мальчишку чудом спасает местный охотник. Не успел Сашка толком прижиться в охотничьем доме, как напали вооруженные люди в компании с дикими орками. Самого Сашку и сына охотника Овика отвезли в город Амарис, где продали работорговцу, а тот передал их оркамхрамовникам, которые служили храму Великого Ихве. Главный жрец Селиман готовился к очередному жертвоприношению, которое необходимо совершить в день весеннего равноденствия, и известие о бегстве основной жертвы привело его в ярость. И если бы не рыцарь Ястред, как знать, пережил бы Сашка следующую ночь...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	27
Глава четвертая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Альберт Васильевич Максимов

Попаданец Сашка

*С благодарностью Олегу Верещагину
за его потрясающий роман «Оруженосец»,
без которого эта книга не была бы написана.*

Глава первая

Было холодно. Даже очень холодно. Сырой лес без листьев и кучки снега с немного подтаявшими заледенелыми корочками, лежащие под деревьями, говорили о весне, вступавшей в свои права. Март, начало апреля, где-то так, но там, в старом мире, стояло в разгаре лето, хотя оно и не жаловало жаркими днями. По вечерам в том мире было даже прохладно, но здесь – холодно. Хорошо еще, что Сашка надел джинсовую куртку, сейчас она очень даже помогала. И повезло с кроссовками, в ботинках он давно бы промочил ноги, а значит, быстро заболел. В чужом холодном лесу и больному? Нет, это было бы совсем плохо. Хотя сейчас и так хуже некуда. То, что он каким-то образом попал в какой-то чужой мир, Сашка понял довольно быстро. Да и как не понять? Идешь, идешь, вечер, летняя погода, трава зеленеет, деревья тоже все в зелени, птички себе поют и вдруг холодный лес с голыми деревьями. Там был вечер, а здесь уже наступало утро. Сашка читал книжки про такие вот перемещения. Фантастика, конечно, хоть и интересная, но теперь это стало явью, и он в ней главный герой.

Герой, штаны с дырой, невесело подумал Сашка. Это там, в книжках, главные герои, попадавшие в чужой мир, были крутыми десантниками, в рукопашную убивавшие полчища врагов, в одночасье добивались рук принцесс и становились герцогами или даже королями. А он? Ни драться, ни стрелять из лука и арбалета, ни скакать на лошади – ничего не умеет, ничего не знает. И в своем классе он сильным не считался. Так, середнячок. Тем более ему всего-то тринадцать лет. Ну в компьютерах разбирается, а где здесь компьютеры? Сашка почему-то посчитал, что он попал в какое-нибудь Средневековье, ведь в тех книжках герои обязательно попадали в такие отсталые времена.

Хорошо тем героям было. Костер могут разжечь, дичь подстрелить, а он? Есть, кстати, уже давно хотелось. Покричать, что ли? А если здесь, в этом мире, людоеды водятся? Нет, конечно, все это глупо, но не глупее его теперешнего положения. Другой мир? Наверное. Погода – не конец июня, а начало весны, не вечер, а раннее утро, да и лес какой-то странный. У нас лес другой, это Сашка знал, он хоть и редко, но за грибами все-таки ходил.

Куда идти? Нужно выбрать одно направление, рано или поздно оно куда-нибудь да приведет. Мох должен расти на деревьях с северной стороны, это Сашка знал. Тогда лучше идти на юг, местность на юге должна быть более населенной. А где мох-то? Либо нет, либо он со всех сторон дерева. Вот, называется, сориентировался на местности. Там, где начался его путь, был подлесок, а сейчас пошли взрослые деревья. Интересно, здесь водятся змеи? Если укусит, ранку надо промыть и прижечь. Только чем жечь? Зажигалки-то нет. Курить он, конечно, пробовал, но что-то не понравилось. Зато сейчас зажигалка очень даже помогла.

А что это за вой? Неужели волки? Сашку сразу пробрал озноб. Волки зимой и весной всегда голодные. Хотя какая разница? Если летом на них нарваться, тоже ведь сожрут.

А вой стал приближаться, Сашка запаниковал. Бежать? Все равно нагонят. Значит, надо забраться на дерево. Ну, по деревьям он лазить умеет. Только нижние ветви здесь везде выше его роста. Что же он такой маленький? Вот дерево попалось: раздваивается у земли, по стволу можно дотянуться до той ветви, а дальше уже легче. Успел. Точно волки. Большие, с

грязной серой шерстью и злые. Значит, голодные. Буду сидеть на дереве. А если ненароком упаду? Тогда надо привязаться, хорошо, что еще ремень в джинсах есть. Хотя и не кожаный, из заменителя, но крепкий. Интересно, сколько они здесь проторчат? Не будут же они сидеть вечно, им есть надо. Мне, кстати, тоже. Сколько человек может прожить без еды? Одну, две недели? Впрочем, это-то и неважно, главное – вода. Без нее всего несколько дней. Пить, кстати, уже хочется. А волки сколько могут без еды и воды? Ну, у них хоть снег есть. Можно снегом жажду утолить. Им-то что? Горло не заболит.

Сколько, интересно, он уже сидит на дереве? Часа два, а тело уже все заныло. И холодно как-то без движения. А ночью здесь вообще заморозки будут. Как вытерпеть ночь, если волки не уйдут, а они, видать, собрались ждать долго?

Выглянувшее из-за туч и кромки ветвей деревьев солнце было по-весеннему теплым, и Сашка даже немного согрелся. Согрелся и заснул – в его мире должна быть глубокая ночь, организм требовал привычного по расписанию сна. Когда он проснулся, солнце близилося к закату, а волки по-прежнему располагались вокруг его дерева. Тело все ломило, ужасно хотелось есть и особенно пить.

Ночь не принесла облегчения, наоборот, Сашка весь закоченел, сознание резко притупилось. Даже волки уже не казались такими страшными. Руки и ноги затекли и ооченели. Под утро Сашка стал все больше и больше впадать в забытье. Он уже ничего не понимал, и ему давно все стало безразлично. В голове почему-то мелькала одна картина: он идет в одежде по раскаленному пляжу, жарко, впереди палатка с колой. Горячей, очень горячей. Кола горячая, хотя она должна быть холодной, но здесь горячая. И он пьет и пьет горячую колу. А потом почему-то плывет на лодке по теплому морю, лодка качается, ему хорошо и приятно. Даже становится жарко. И Сашка очнулся.

Где же волки? Почему он лежит на кровати? Он дома? Нет, все вокруг незнакомое, чужое. Голова женщины склоняется над ним. Женщина что-то говорит, но Сашка не понимает, ничего не понимает? Он за границей?

– Eti warna too? Estem li gvard?

– Нет. Ноу спик. Нем тудем, – Сашка перебрал несколько ответов.

– Res tarm?

– Нет...

Рядом появляется стриженная голова черноволосого мальчишки. Он смотрит с интересом и любопытством.

– Eti rista?

– Нет. Не понимаю. – Значит, не дома. В чужом мире. И волки не приснились. Его спасли эти люди?

Сашка болел две недели – ангина, наверное. И сильный кашель. Лечили его какими-то травами, таблеток не было. И уколов тоже. Уколов здесь и быть не могло, действительно, он попал куда-то в Средневековье. Это было видно по домотканой одежде, по удивленным взглядам Овика – того мальчишки, до сих пор бросаемых на его кроссовки. Отец Овика был охотником, он и спас Сашку. Это ему рассказал Овик, когда Сашка стал немного понимать их язык. Верес, так звали отца Овика, застрелил трех волков из лука, а остальных двух убил чем-то вроде рогатины. А шестого убил Овик. Из арбалета. Он с гордостью показывал шкуру убитого им волка. Действительно, большущий зверь.

Отношение к Сашке было хорошим, но странным. Вначале он этого не понимал, а потом выяснил, что причиной всему его волосы. Нет, не цвет их. Охотник и его семья были черноволосыми, а у Сашки волосы светлые. Вся причина в их длине. Оказывается, длинные волосы в этом мире носят рабы, а свободные подстригаются коротко, чаще бреют голову под ноль. Они и ему потом предложили, но Сашка пока отказался – не любит он так стричься, хотя у них в классе некоторые мальчишки стригутся только наголо. А то, что здесь рабы

носят длинные волосы – он-то ведь не раб. Может, ему хочется носить длинные волосы. Рабов здесь еще клеймят, а на нем клейма нет. Ни на лбу, ни на спине. Это так ему объяснил Овик. Поэтому и предложил подстричься, как у них принято.

Сашка уже давно поправился, мясо в доме охотника не переводилось. Есть лес, значит, есть звери, на которых можно охотиться. Других охотников поблизости нет. И не только охотников, никто здесь не живет. Потому что опасно – на севере живут какие-то разбойники. По крайней мере, Сашка так понял слова Овика. Он их орками называл. Слово, кстати, знакомое, где-то он его слышал.

А еще Овик расспрашивал Сашку, как он оказался в том месте, где он попал в этот мир. Оказывается, охотник прошелся по Сашкиным следам и нашел то место. Рядом с ним была дорога, но Сашка пошел в другую сторону и углубился в лес. А пошел бы на север, то тут же вышел на дорогу. Но тогда не встретился с отцом Овика. И что бы он делал один на дороге? А причиной любопытства Овика было то, что две недели назад на том месте, где появился Сашка, нашли труп жреца.

– А что за жрец? – спросил Сашка, но Овик почему-то не стал отвечать.

Жизнь тем временем стала налаживаться. Скучно, конечно. Ни компьютера, ни телевизора, ни книжек. И так однообразно прожить всю жизнь? Очень этого не хотелось. Придумать бы что-нибудь поинтересней. У героев, попадавших в другие времена, всегда с первых же страниц происходили какие-то приключения. А здесь – скукота. Ну вот и накаркал.

В тот день охотник почему-то был встревожен. Прислушивался к лесному шуму, хмурил брови, затем стал готовить оружие. Каким-то чувством Верес ощутил опасность – охотничий инстинкт, что ли, помог, но к нападению он оказался готов. На опушке леса появилось несколько человек, ведших коней в поводу, а рядом с ними выскочило несколько десятков мерзких существ со свинячьими мордами. Звери, но двуногие, кто с мечом, кто с палицей, а кто и с копьём.

– Орки, – сказал Овик, взводя свой арбалет.

Орки? Да, были такие уроды в книжках. Но они же людей едят? Сашка растерялся и почувствовал, как страх поднимается от ног по всему телу. Захотелось забиться в угол, закрыть глаза и не думать ни о чем. Это, наверное, дурной сон. Ну нельзя же так.

Орки тем временем, вероятно, бросились в атаку, раздались визжащие голоса, а Верес стал стрелять из лука прямо через оконце избышки, посылая стрелу за стрелой. Овик тоже встал у окна и стрелял из своего арбалета, но не так быстро – он успел послать только два болта и наложил третий, когда послышались громкие удары в дверь – враги начали ее ломать. Верес отбросил ставший ненужным лук и выхватил меч.

Ломали недолго, дверь быстро рухнула, и в избу ворвались орки. Первый из них, громадный орк с внушительной палицей в лапах, упал с болтом во лбу, это выстрелил Овик. Следующие двое были помельче и с мечами. Одного сразу же пронзил Верес, но второй оказался ловчее и попал охотнику прямо в живот. Мать Овика громко закричала и вылила ушат кипящей воды на убийцу мужа. Орк дико заверещал, а четвертый влетевший в избу орк коротким копьём пригвоздил женщину к стене избы. Но тут же упал от арбалетного болта. Пятый орк взмахнул палицей и выбил арбалет из рук Овика. Что было дальше, Сашка плохо помнил. Он пытался забраться под кровать, его тащили за ноги, он кричал, плакал, вырывался.

Очнулся он на земле рядом с охотничьей избышкой. Руки были связаны за спиной. Рядом такой же связанный сидел Овик. Пахло навозом, дымом от костра и жареным мясом. Вокруг нескольких костров сновали орки, они что-то жарили, на некоторых кострах коптились туши мяса, рядом лежало еще несколько разделанных туш. Да это же убитые орки! Они что, поедают своих же? И людей, кстати, тоже, вспомнил Сашка прочитанные книжки.

Неужели его съедят? От таких мыслей Сашка вновь впал в забытие. И это было хорошо, тем самым он пропустил сцену обеденного пиршества орков.

Очнулся он уже под вечер – было холодно, его куртка осталась в избе, костры, конечно, давали тепло, но согревали только одну сторону тела. Хорошо еще, что кроссовки остались. Овик с большим синяком на скуле сидел рядом. Каково ему, на его глазах убили мать и отца. Но он молодец, убил четырех орков. Даже мать Овика убила одного, а он, Сашка? Ему было стыдно вспоминать свою слабость. Трус, забился под кровать. Но ведь у него же не было арбалета. А при чем здесь арбалет? Взял бы копье Вереса. Много бы им намахал? Ничего ты не умеешь. Но мог взять лук. Неважно, что он тугой. Полностью натянуть сил, конечно, не хватило, но немного смог бы. Орки же голые. Пусть не убил бы, а только ранил. А если в голову попасть, то и убить можно. Если в глаз целить. А ты сможешь попасть в глаз? В голову бы даже не попал. Вон как руки от страха дрожали. Трус ты все-таки, Сашка. Не то что Овик. Он ведь, наверное, меня презирает, разговаривать теперь не захочет.

Ночь прошла для Сашки тяжело, попробуй поспи со связанными за спиной руками. И вонь была нестерпимой – рядом с костром устроились на ночлег несколько орков, распространявших омерзительные запахи. То там, то здесь раздавались орочьи крики, спящие орки громко сопели, время от времени громко пуская газы. Вскоре после того, как рассвело, стал пробуждаться и лагерь орков. Некоторые обгладывали оставшиеся от вчерашнего пиршества кости, другие что-то жарили на кострах, и все они гадили. Санитарией тут, конечно, не пахло. А пахло свежим дерьмом, орки не утруждали далеко уходить от костров. Зрелище, конечно, было мерзким, и Сашку постоянно подташнивало.

Где-то через час после пробуждения лагеря из охотничьей избушки стали выходить и люди. Сашка их насчитал шесть человек. В доспехах и остроконечных шлемах, с мечами на поясе, они были серьезными воинами. Время от времени люди отдавали приказы на каком-то непонятном для Сашки языке, и орки их слушались. Сашка запомнил одну сцену: воин что-то сказал орку, тот не спеша повернулся, нагнулся за лежащим рядом куском мяса и воин неожиданно сильно пнул орка. Тот заверещал и побежал в глубь лагеря. Находящиеся рядом орки громко загоготали, смеясь над своим незадачливым собратом.

Мало-помалу лагерь, придя в движение, стал собираться в путь. Очень хотелось пить, губы покрылись сухой корочкой, да и тошнота не прошла. Когда рядом с пленниками остановился один из воинов и стал внимательно их рассматривать, Сашка решился и попросил:

– Можно мне попить? Пожалуйста.

Воин посмотрел на Сашку и что-то приказал проходящему мимо орку. Тот схватил один из котелков и пошел к опушке леса. Сашка видел, как орочьи лапы сгребали в котелок остатки лежащего там снега. Вернувшись обратно, орк сунул котелок в костер и, дождавшись, когда снег растаял, сунул котелок Сашке. Вода в котелке была грязной и мутной. И еще перед Сашкиными глазами были орочьи лапы, грязные и мерзкие. А он ими снег кидал в котелок.

Как ни хотелось пить, Сашка отказался, покачав головой. Стоявший рядом воин хмуро усмехнулся.

– Что, раб, здесь твой хозяин тебя поил другим? Ничего, привыкай, скоро у тебя будет новый хозяин.

– Я не раб, – ответил чуть слышно Сашка. Воин либо не расслышал Сашкиных слов, либо не обратил на них внимания.

– Ну а ты, – воин обратился к Овику, – хочешь пить?

Овик ненавидящим взглядом посмотрел на воина и покачал головой.

– Ты тоже привыкай. Теперь остаток дней проведешь рабом.

Овик плюнул воину под ноги, тот зло ощерился, рука потянулась к мечу, но он сдержался и громко расхохотался.

– Нет, я не буду портить товар. Когда мы тебя отвезем на рынок, я попрошу торговца продать тебя хаммийцу, и ты долго, лежа по ночам на его ложе, будешь меня вспоминать. – И снова громко рассмеялся.

Когда воин повернулся и ушел, Сашка обратился к Овику с вопросом:

– Кто такой хаммиец? – Но тут же закусил губу, он вспомнил, что Овик, наверное, его презирает за вчерашнее и не будет с ним говорить.

К его облегчению, сын охотника ответил:

– Хаммийцы живут на юге, сюда приезжают богатые торговцы, привозят всякие заморские вещи, а здесь покупают рабов. Очень любят мальчиков и девочек.

Сашка понял, про что говорил Овик. Неужели его тоже продадут этим хаммийцам?.. Сашка подумал, что нужно еще что-нибудь сказать Овику, посочувствовать, что ли, гибели его родителей, но не смог, все казалось каким-то мелочным, неправильным. Но долго размышлять ему не дали. Подошли несколько воинов и стали развязывать мальчишкам руки. Как же они затекли! Руки онемели, но не настолько, чтобы совсем их не чувствовать. Но долго разминать их пленникам не дали, снова связав, но уже спереди. Двое воинов вскочили в седла, один из оставшихся на земле воинов поочередно передал мальчишек всадникам. Сашка попал к тому воину, в сторону которого плюнул Овик. Воин схватил Сашку сзади за ремень, вдетый в джинсы, и поместил его перед собой на спине лошади, положив животом вниз. Теперь Сашка свисал лицом. Было очень неудобно. Лошадь тронулась, а вместе с ней тронулся и Сашка... в рабство.

Поездка длилась два дня, все это время он лежал на животе и смотрел лошади под ноги. Дорога была грунтовая и пустынная. Только к концу второго дня стали попадаться люди, но Сашка настолько измучился, что просто тупо смотрел на землю или впадал в забытие. Некоторое облегчение было на привалах, их с Овиком поили и даже кидали куски мяса. Сашка думал, что Овик откажется брать еду из рук убийц родителей, но тот брал и ел, хотя по-прежнему смотрел с ненавистью на врагов. На лошади холод почти не чувствовался, зато ночью Сашка замерзал. Овик, одетый тоже не лучшим образом, мерз не меньше Сашки. Ночью они старались прижаться спинами друг к другу, один бок грелся у костра, а другой застывал. Тогда мальчишки менялись позициями. Но разве так поспишь?

К вечеру второго дня всадники въехали в городские ворота, а еще четверть часа спустя заехали в какой-то двор. Переговорив с человеком – кто он? – привратник или приказчик? – мальчишек сгрузили и занесли в сарай, заперев за собой дверь. Было холодно, зато на земле было вдоволь соломы, дурно пахнущей, но разве от мальчишек не пахло лошадиным потом, дымом костра? Пленники подгребли на середину сарая побольше соломы и постарались в нее зарыться поглубже. Сон пришел быстро.

Утро они, конечно, проспали. Солнце стояло уже высоко, когда отворилась дверь сарая и вошедший человек с коротким мечом на поясе и плетью в руках приказал им выйти наружу. Несмотря на светившее солнце, было сыро и зябко – весна еще только набирала силы. Перед воротами сарая стоял высокий и грузный человек в богатой одежде. Среди стоящих за ним людей Сашка заметил двух воинов, привезших их сюда. Человек, а это, скорее всего, был работорговец, презрительно посмотрел на мальчишек и приказал надсмотрщику отвести их обратно, а сам повернулся к двум воинам.

– Они столько не стоят, – услышал Сашка слова работорговца, прежде чем за ними заперли дверь.

– Нас продадут ему? – спросил он у Овика.

– Наверное. Но он только посредник. Выставят на торги, тогда продадут окончательно.

– А когда будут торги?

– Я не знаю, я же в городе мало бывал, отец редко сюда ездил. А на рабский рынок мы даже не заезжали. Нам в лесу рабы были не нужны.

– А что делают с рабами?
– Не понял тебя.
– Ну, я хотел сказать, что с нами будет, когда нас купят?
– Смотря кто купит. Могут купить на рудники. Там долго не проживешь. Месяц, другой, может больше.

– Но мы же еще маленькие, там сила нужна.
– Так не саму руду долбить, а корзины наполнять и оттаскивать их наверх.
– А они тяжелые, эти корзины?
– Не знаю. Наверно, тяжелые. Ты попробуй накидать камней и земли в корзину. Тяжело?

– Да, – Сашка поежился. – Мне, наверное, их не поднять.
– Поднимешь. Там, говорят, еще меньше нас мальчишки работают. Поднимают, значит. У рудокопов век недолог. Несколько месяцев, и набирают новых.

– А старых куда?
– Умирают. Говорят, кровь горлом идет и раб умирает.
– А еще куда продают?
– Мест много. Могут продать мельнику или слугой в дом. Это лучше всего, если слугой. Некоторых слуг ценят, хорошо одевают. Их легко отличить по волосам. У всех рабов волосы длинные, а у этих короткие, только с выбритой полоской посередине. Такие приказчиками работают, служками у сыновей богачей. А могут продать хаммийцам. Это тоже плохо. Рабы у них на полях работают. Солнце жаркое-жаркое, и работа с рассвета до заката. Можно попасть и в дом к хаммийцу. Это хуже всего.

– Почему?
– Обрежут тебе снизу все лишнее.
– Как... зачем...
– А чтобы ты на их жен не заглядывал.

За разговорами прошло какое-то время, двери сарая распахнулись, и мальчишек снова выгнали во двор. Тех двух воинов уже не было, зато появился раб-старик, державший в руках две лепешки и две глубокие миски с водой.

Надсмотрщик развязал мальчишкам руки. Веревки за два дня стерли запястья до крови.
– Ты, с короткими волосами, подойди ко мне, – обратился работорговец к Овику. – Раб, встань на колени и поцелуй ногу своему господину.

Овик дернул головой и остался на месте. Работорговец усмехнулся. Затем кивнул головой надсмотрщику, который толкнул Овика в спину, свистнула плеть, Овик закричал.

– Сильнее, – приказал работорговец. Сашка оцепенел. Звонкий свист плети, крики Овика, затем все прекратилось. Овик лежал на земле, рубашка на спине превратилась в лоскутья, через которые проступала кровь.

Работорговец кивнул старику, тот подошел и вылил половину чашки с водой на голову Овика, тот зашевелился, поднял голову.

– Теперь давай целуй, – приказал работорговец.

Овик только покачал головой.

– В сарай его.

Надсмотрщик схватил Овика за ворот рубашки, раздался ее треск, но ткань все-таки выдержала. Овика оттащили в сарай.

– Теперь ты, – внимание работорговца переключилось на Сашку. – Ты из рабов, ломать тебя не придется.

Сашка смотрел на ногу работорговца. Неужели он встанет на колени и ее поцелует? Все существо Сашки было против, но липкий страх закрадывался все глубже и глубже.

– Ну! – повторил работорговец.

– Помоги ему, – сказал он надсмотрщику, и сильная боль вонзилась в Сашкину спину. Он громко закричал.

– Еще, – приказал работорговец.

Второй удар взорвался страшной болью по всему телу, Сашка завопил и неожиданно для себя упал на колени и стал лихорадочно целовать ногу работорговца, с ужасом ожидая услышать новый свист плети.

– Этому дай лепешку и половину воды, – услышал он голос работорговца.

После этого сильные пальцы впились в Сашкину рубашку, он почувствовал, как его потащили по земле, бросили в сарай. Дверь закрылась, послышался звук запираемого запора.

Сашка плакал. Долго и горько. Ему было стыдно за свой поступок, за страх, за боль в спине, за неудачную жизнь. За все.

Затем поднял голову и увидел спину Овика. Сквозь порванную рубашку проступала кровь. Надо бы перевязать, подумал Сашка. Но чем? И руки грязные, инфекцию занесу. Вода! Мне же должны оставить воду. Сашка огляделся и у стены на земле увидел лежащую лепешку и миску, до половины наполненную водой. Сразу страшно захотелось пить. Он зачарованно смотрел на воду, облизывая сухим языком губы. Встал с соломы, спину сразу же пронзила боль. Поднял миску и поднес ее к губам Овика. Стараясь не пролить драгоценные капли, Сашка напоил друга. Воды на дне миски осталось совсем чуть-чуть. Посмотрел на спину Овика, вздохнул и выпил остатки воды, которой хватило всего на два глотка.

Все равно промыть израненную спину воды не хватило бы. Но вот рубашку снять с него надо, иначе кровь запечется, и куски рубашки прилипнут к ране. Холодно, конечно, но разве лохмотья смогут защитить от ночного холода? А ночью нужно надеть рубашку на Овика, только на спину ее переднюю часть, она целая – чтобы грязная солома не набилась в раны.

Сашка снял с друга рубашку, увидел спину Овика, покрытую кровотокающими разбухшими рубцами. Потом стал дуть на раны, стараясь облегчить боль и остановить кровь. А слезы текли и текли из его глаз.

На следующее утро в открывшуюся дверь протиснулся вчерашний старик-раб. Он принес две лепешки и две чашки с водой. Одна была полной, другая наполнена до половины.

– Тебе полная, – произнес старик, забрав вчерашнюю пустую миску. Дверь сарая закрылась.

– Х... тебе, а не полная, – зло процедил Сашка, и понес полную чашку Овику. После полудня другу стало лучше, он даже смог с помощью Сашки привстать и сесть.

– Ты знаешь, а я не выдержал. Мне дали всего два раза плетью, и я бросился целовать его ноги, – Сашке было мучительно стыдно признаваться, но разве это можно скрывать? Это было бы нечестно.

– Спасибо тебе, – Сашка совсем не ожидал таких слов, он думал, что Овик будет его презирать за ту слабость. К тому же и при нападении орков Сашка трусливо себя повел.

– Но ведь я же сломался, струсил...

– Мало кто выдерживает рабские бараки. Ты думаешь, я не сломаюсь? Если долго будут бить, то и меня заставят.

– Тебя?!

– Я не хочу быть рабом. Если удастся, то сбегу.

– А если поймают?

– Посадят на кол или иное придумают. Но у нас больше на кол сажают. Страшно, конечно, но долго не мучаются. Вот хаммийцы, те мастера на выдумки. Говорят, что люди долго, по несколько седмиц могут умирать. Корчатся, а сознание не теряют.

– А отсюда можно сбежать?

– Нет, – Овик покачал головой. – Забор высокий, собаки, охранники ночью дежурят. Сбежишь со двора, погоня будет, горожане будут помогать. За поимку сбежавшего раба награда от его хозяина и от герцога еще послабление в налогах.

– А что за герцог?

– Каждой провинцией управляет герцог, они подчиняются королю. Но это только на словах. У короля власть только над своим доменом. Да и домен будет поменьше, чем владения Черного Герцога.

– А это кто такой?

– Я плохо знаю, отец про него почему-то не рассказывал. Сразу замыкался, когда речь о нем заходила. Очень жестокий. И с орками дело имеет.

– А у людей какие отношения с орками?

– Орки – нечисть. Жрут людей, собак, ворон и самих орков. Есть еще орки-храмовники. Они живут при храмах бога Паа и бога Ивхе. Слугами у жрецов. За это те разрешают им поедать остатки жертв.

– А там жертвы приносят? Что за жертвы?

– Люди. Провинции поставляют рабов в храмы для жертвоприношений. Стараются отдать старых и больных. Тех же рабов-рудокопов, которые обессилили. В храме Паа жертвам перерезают горло каменным ножом, а в храме Ивхе сжигают на каком-то большом приспособлении. Жрецы сами с пленными не связываются, тех же надо доставить к храму, кормить до дня жертвоприношения. Этим и занимаются их слуги, орки-храмовники. Остатки жертв идут оркам на корм.

– А те орки, что на нас напали, – храмовники?

– Нет, это дикие орки. Они живут на севере, когда голодно, идут на юг. Но это редко бывает. Небольшой рыцарский отряд легко разобьет орочье войско. Поэтому они остерегаются переходить северный тракт. Мы жили южнее его, но даже там люди боялись селиться.

– А люди, что были с орками, они кто?

Овик пожал плечами:

– Для разбойников они слишком хорошо вооружены, да и заставить диких орков подчиниться трудно, почти невозможно, а они подчинялись, такое редко встречается. Говорят, что Черный Герцог может их заставить. Но откуда здесь люди Черного Герцога? Его владения далеко отсюда и на севере соприкасаются с орочьими землями. Знать бы, кто эти гады. – Овик сжал кулаки.

Так в разговорах прошел целый день. Вечером старик-раб принес традиционные лепешки и снова одну полную миску воды для Сашки и половину для Овика. Сашка снова хотел отдать полную миску Овику, хотя его сильно мучила жажда, но Овик отказался. В итоге друзья поделились водой поровну.

Новый день начался не так, как предыдущие. С самого утра во дворе царило оживление. Сегодня, наверное, будет базарный день, решили друзья. Дверь в их сарай распахнулась раньше обычного, и надсмотрщик выгнал мальчишек во двор. Здесь их ждал работорговец. В этот раз он начал с Сашки. Ткнул в его сторону пальцем и показал кивком головы на чуть выставленную вперед ногу. Сашка снова оцепенел, возвращались его кошмары. Снова плетть? Ему не выдержать. За спиной Сашки послышался удар бича – стоявший сзади надсмотрщик щелкнул вхолостую. Сашкины губы задрожали, из глаз потекли слезы, он встал на колени и поцеловал хозяину ногу. Жгучий стыд и обида охватили всего его.

– Теперь ты, – обратился работорговец к Овику. Что происходило за его спиной, Сашка не видел. Снова щелкнул бич, но Овик не приближался.

– Свинья, – выругался работорговец. – Тебя действительно надо продать хаммийцам. В загон, обоих, – приказал работорговец.

Стоя в загоне, где должен происходить торг, Сашка, сгорая от стыда, боялся повернуть голову к Овику. Он снова облажался, а вот тот не струсил, как Сашка. Ну почему он такой слабак? Теперь всю жизнь будет целовать хозяевам ноги? Ради лепешки. Рабская душонка!

Тем временем загон наполнялся пригоняемыми на продажу рабами. Вот ударил металлический гонг, и торги живым товаром начались. Первые покупатели на мальчишек внимания не обращали, их интересовали взрослые и сильные мужчины, один купил нескольких женщин, а другой двух девочек.

– В красивую мастерскую, – сказал кто-то рядом с Сашкой, когда покупали мужчин.

– А меня куда? – вопрос бил молотом по его затылку. – Меня куда?

Вот прошел толстый мужчина, остановился рядом с мальчишками, пощупал им мускулы, покачал головой и пошел дальше. Сашка облегченно вздохнул – толстяк ему определенно не понравился.

– А кому здесь интересно твое мнение? – задал сам себе вопрос Сашка. – Понравишься и купят.

Вот появились два покупателя, точнее один – высокий, богато одетый юноша лет шестнадцати-семнадцати в сопровождении мальчика, Сашкиного ровесника. Мальчик был красив, выбритая полоска на короткостриженной голове не портила его внешность. Домашний раб, вспомнил Сашка. К ним отношение хорошее. Это было заметно по виду мальчика. Тот был хорошо одет, на поясе у него висел кинжальчик в чеканных красивых ножнах. К домашним рабам относятся хорошо. Как к свободным. Кормят, одевают, те играют с детьми хозяина. Вот с этим юношей. Правда, бывает, что наиграются и продадут, а там их ждет уже обычное тяжелое рабство. Но такие случаи редки, сами, наверное, виноваты, стали наглеть, вот их и продали. Хорошо, если бы его купил этот парень.

Сашка представил себя в красивой одежде, с кинжальчиком на поясе и с надеждой посмотрел на приближающегося юношу. Вероятно, взгляд Сашки не остался незамеченным, юноша подошел к нему и оценивающе осмотрел. Сашкино сердце сильно забилося.

«Ну, купи же, купи меня! – стреляли слова в Сашкиной голове. – Купи меня!» – мысленно зывал он.

Юноша внимательно посмотрел на молящие глаза Сашки, улыбнулся. Сашка застыл в ожидании, юноша повернулся, нашел глазами хозяина, тот быстро подошел, подобострастно улыбаясь.

– Эй, уважаемый, сколько стоит эта худая свинья? – и одновременно со словесным отрезвляющим и опустошающим душу плевок последовал плевком настоящий, прямо в лицо Сашки.

Дальше он уже ничего не слышал, ни как торговались, ни как покупатель ушел, так и не сойдясь в цене.

Новый покупатель подошел только лишь полчаса спустя. Хаммиец, как описывал их Овик.

– Рекомендую: крепкий, сильный мальчик, – работорогвец показывал пальцем на Орика, – очень выносливый. Пока еще упрямый, но уважаемый покупатель сможет его выдрессировать. В ваших краях хорошо умеют это делать.

– Не люблю упрямых. А вот этот, светленький, – хаммиец показывал на Сашку, – он тоже упрямый?

– Нет, что вы. Этот как раз очень послушный. В рабстве он уже давно, видите, какие волосы длинные?

Смуглый и толстый хаммиец плотоядно оскалится, подошел к Сашке и стал его щупать. Сашке было очень противно, но он терпел. Но когда толстяк полез к Сашке в штаны, он его оттолкнул изо всех сил. Толстяк еле удержался на ногах, а Сашка встретил бешеный

взгляд работорговца. И тут же Сашкина спина взорвалась от боли, потом еще и еще, и Сашка упал на землю в пыль.

Но бить больше не стали. Когда разгневанный покупатель ушел, работорговец злобно прошипел Сашке в лицо:

– Если тебя сегодня не продадут, завтра ты пожалеешь, что появился на свет.

Чем бы все закончилось и что ожидало Сашку, если бы его не купили, а к этому дело на торгах шло, осталось неизвестным. Где-то через час после этого перед загонем появились трое всадников. Работорговец с позеленевшим лицом подбежал к ним, те ему что-то говорили, а он все больше и больше мрачнел. Потом всадники отъехали в сторону, а торговец громко закричал, подзывая своих работников. Потом все они пошли вдоль загона, отбирая людей. Почему-то отбирали стариков и маленьких детей. В набранную группу включили и старика-раба, приносившего мальчишкам лепешки и хлеб. Группа перестала пополняться, а работорговец все ходил вдоль загона, всматриваясь в оставшихся рабов, и никак не мог решиться. Потом его взгляд в очередной раз остановился на Сашке, и, ткнув в него пальцем, он пошел дальше. На Овика он даже не посмотрел.

– Ха! – Овик неожиданно крикнул.

Хозяин резко обернулся и с бешенством посмотрел на мальчишку, глядевшего на работорговца без опаски, даже с вызовом. Торговец ощерился и с удовлетворением и потаенной злостью ткнул пальцем в сторону мальчишки, что-то гортанно сказав. Все, больше никого не выбирали, видимо, Сашка и Овик были последними, которые вошли в число отобранных.

Мальчишек вытолкнули в собранную группу, всем стали вязать руки за спиной, пропуская через них общую веревку. К рабам сбоку пристроилось несколько работников торговца, и цепочка невольников поплелась со двора. Сашка, наконец, смог рассмотреть город. Обыкновенное средневековое захолустье, узкие улочки с кучами мусора, покосившиеся лачуги, грязные люди. На колонну рабов никто не обращал внимания, чувствовалось, что это обыденное для местных обитателей явление. Только к вечеру они выбрались за городские ворота, пройдя несколько верст, а двигались буквально с черепашьей скоростью. Колонна остановилась рядом с раскинутым лагерем. Орки! Но эти орки отличались от тех, которые напали на избушку охотника. Те были визгливые и голые, а эти более степенные и одетые в какие-то кожаные накидки. Сопровождающие передали оркам рабов и поскакали обратно в город.

Смотав общую веревку, связывающую всех узников, группу погнали в центр поля, на котором кругом были расположены костры. Пленники оказались внутри кольца, образованного кострами, между которых расположились орки. Отсюда не сбежишь.

– Это орки-храмовники, – сказал Сашке Овик. – Значит, нас отдали для жертвоприношения в их храмы.

– А далеко идти до этих храмов?

– Я не знаю, где они. Но эта смерть будет лучше, чем жизнь в рабстве у хаммийцев. Одно жалею, что не смогу отомстить.

– А сбежать никак нельзя?

– Если сбежишь, то когда поймают, ждет медленная смерть на колу. Ты сам что предпочитаешь?

Сашка представил себе ужасную картину казни, и его всего передернуло. А здесь разве лучше будет? Нет, наверное, все-таки лучше. Если выбирать, то он бы предпочел смерть, когда тебе перережут горло, чем смерть, когда тебя заживо будут сжигать в храме этого Ивхе. Тем более смерть на колу. А если все-таки попытаться сбежать? Свобода!

– Может, все-таки сбежим? – робко предложил Сашка.

– От этих не сбежишь, они же специально обучены для перегонки рабов к храмам.

Ни еды, ни воды пленники так и не получили. Зато на следующее утро храмовники притащили большой котел с водой и кучу лепешек. Голод, конечно, не заглушился, зато жажду, постоянно мучавшую мальчишек в последние дни, удалось утолить. Воды было много, пили жадно и долго, даже животы распухли.

После этого рабов вывели на дорогу, взрослых разбили на пары и скрепили друг с другом двойными рогатинами, прочно зафиксировавшими шеи. Такую же рогатину надели и на Сашку с Овиком. А вот детей помладше просто привязали за шеи веревками к связанным за спиной рукам второго пленника, идущего в связке. Получилось пять пар взрослых рабов, включая Сашку и Овика, и пять пристегнутых к парам маленьких детишек.

Колонна рабов шла очень медленно, при каждом неосторожном движении, сделанным не в такт, шею резко захватывало, и было больно. Так продолжалось три дня. На третий день одна из старых женщин умерла, и орки потратили часть времени на разделку ее тела. Сашку вырвало, да и не только его. Овика, кстати, тоже. Зато на следующее утро в освободившуюся пару пристегнули Сашку. А Овика привязали сзади к одной из пар.

Так прошло еще два дня пути. Вечером колонна остановилась, орки бросились разводить костры, а пленники сидели в ожидании, когда с них снимут рогатины и запустят внутрь кольца из костров. Неожиданно откуда-то из леса прилетела стрела, попавшая в ногу одному из орков. Затем вторая, но уже мимо. Орки вскочили, выхватили оружие и, определив место, откуда шла стрельба, бросились в ту сторону. Рядом с пленниками остался лишь раненый орк. Конечно, он не мог двигаться, но ведь и пленники были надежно зафиксированы в рогатинах, и у всех были связаны за спиной руки.

Овик подтащил к костру пару рабов, к которым он был привязан за шею веревкой, протянул веревку над пламенем костра, она загорелась и оборвалась. Освободив шею, Овик сунул связанные за спиной руки к горящей головне, сумев таким образом освободить и их. Орк, увидев действия Овика, закричал, но не мог сдвинуться с места, а Овик уже резал веревки у пленников. Все, свободны! А теперь бежать в противоположную от орков сторону. Бежали долго, пока хватило сил. Уже в темноте набрали на какой-то сарай. Здесь увидели пятерых своих спутников, успевших раньше мальчишек. Сил идти дальше уже не было, и все быстро уснули.

На рассвете, едва только взошло солнце, решили идти дальше, но их уже настигли двое орков. Пленники заметались в панике. Один из мужчин схватил кол и бросился на ближайшего орка. Тот ловко перерубил кол пополам, а вторым ударом отрубил мужчине кисть руки. Другой орк бросился вязать остальных пленников, уже попадавших на колени. Неожиданно одна из женщин громко закричала и бросилась бежать. Орк, отрубивший мужчине кисть руки, побежал за ней вдогонку.

Сашка не знал, что делать. Вновь липкий страх сковал все его тело. А вот Овик не трусил, схватил другой кол и бросился на орка. Этот орк был, вероятно, не так умен, как его напарник, хотя что мог сделать с палкой в руке тринадцатилетний мальчишка против меча в орочьих лапах? Орк все-таки загнал Овика в угол, к дальней наружной стене сарая, заметно убавив длину его кола. Было видно, что мальчик уже защищается из последних сил. Сашка неожиданно пришел в себя, схватил какую-то длинную деревянную тяпку и с размаха ударил ею по шишаку орчьего шлема.

Орк замотал головой: он был чуть-чуть оглушен. Затем развернулся к новому противнику и одним ударом перерубил рукоять тяпки, второй удар он направил уже в основании обломка, почти задев кисть Сашкиной руки. Сашка рефлекторно, в испуге отпустил остаток древка, что и спасло его руку. Впрочем, он даже сильно испугаться не успел – настолько все произошло стремительно. А дальше Овик, который оказался сзади орка, воткнул врагу острый край обломка своего кола в шею под шлем. Орк коротенько взвизгнул, кровь брыз-

нула фонтаном из его шеи, и он упал, а Овик подскочил и рывком выхватил меч из лапы корчащегося на земле орка.

– Бежим, давай, быстрее.

И вновь бегство с постоянными остановками. Сашка давно уже задыхался, ноги подгибались, но Овик уводил друга все дальше и дальше в лес. А ведь ему было бежать труднее, Сашка был налегке, а Овик нес в обожженных руках тяжелый орочий меч. Но и у Овика силы иссякли. Мальчишки повалились под деревом. Несмотря на холодный день, им было жарко. Когда они немного отлежались, Сашка встал, снял с себя рубашку, взял меч и отрубил под корень рукава рубашки. Затем осторожно взял руки Овика, покрытые большими волдырями, и аккуратно намотал на них рукава рубашки. А что он еще мог сделать? Чем лечить обожженные руки, он не знал, а если бы и знал, где здесь лекарства? В получившейся безрукавке сразу стало холоднее. Итак, сбежали, а дальше что? Куда идти, что есть, что пить? Пить снова сильно хотелось. Можно, конечно, пожевать снега, а есть что?

– Куда теперь? – спросил Сашка.

– Можно обратно попытаться вернуться, в Амарис.

Нет, встречаться снова с работоторговцем Сашке не хотелось.

– Можно выйти на дорогу, по которой нас вели, и пойти на запад в Гендован, – продолжил Овик. – Можно пойти на юг, в обжитые края, но все равно придется пересекать дорогу. Можно дальше на север, но там орочы земли.

– Лучше на юг.

Ближе к вечеру мальчишки вышли к речке, текущей между деревьев. Овик снял свою изодранную обувь – как только она еще держалась! – размотал самодельные бинты – на руки Овика страшно было смотреть – и он терпит, не стонет! – взял в руки меч и вошел в ледяную воду. Минут через десять он уже нес рыбу, которую поймал, используя меч как гарпун. Ноги Овика посинели. Как он только простоял в этой ледяной воде! Сашка обтер их штанинами своих брюк, точнее тем, что осталось от брюк во время его безумного путешествия по этому миру, и попытался согреть, растирая своими руками, а затем натянул свои кроссовки Овику.

Рыбу ели сырой, она показалась самой вкусной из всех, что довелось есть Сашке раньше. Потом Сашка рубил еловые ветки, Овик подсказывал, как лучше соорудить простенький шалаш. Ночью было хоть и холодно, но терпимо – мальчишки согревали своими телами друг друга, а еловое «одеяло» оказалось довольно теплым.

На следующее утро Овик попытался снова поймать рыбу, но это удалось только со второй попытки. Кроссовки Сашка так и оставил на ногах друга, а сам одел его рваную обувь. Чертовски неудобно и холодно, но лучше, чем идти босиком. К вечеру они набрели на старый полусгнивший стог сена, там и решили устроиться на ночлег. Есть страшно хотелось, с чувством голода и заснули.

Проснулся Сашка от орочьих криков. Орки были верхом на лошадях, значит, те самые, храмовники. Как они догадались, что в стоге есть живые люди, ведь мальчишки забрались туда как можно глубже? Или свежераскиданное сено их выдало? Теперь не узнать. Один из орков стал тыкать в сено тупым концом копья. Древко задело Овика, выдало его, орк протянул в его сторону свою лапу, стал шарить и, ухватив друга за ногу, с радостным гоготаньем вытащил его из сена. Стал снова рывками тыкать древком сено. Сашке, конечно, повезло. Только один раз древко его задело, да и то лишь немного распорол бок. Было больно, но Сашка молчал. Убедившись, что в сене больше никого нет, орки оттащили Овика в сторону и принялись стегать его плетьюми, стараясь попасть в наиболее болезненные места. Овик корчился, кричал, стараясь прикрыться руками и ногами.

Тогда орки переключились на руки и ноги Овика, мальчик уже не знал, что защищать, да и руки от ударов плетьюми быстро онемели. Потом орки снова стали бить по телу друга. Сашка через просвет в сене все это видел. Он смотрел, как под ударами кнутов участки тела

друга взрывались маленькими фонтанчиками крови. Овик страшно выл, но затем дернулся и замолчал. Один из орков подошел к нему и одним ударом меча отрубил голову, которую сунул в кожаный мешок.

– Хороший получился фэнш, – орки довольно шумели.

– Да, фэнш хороший.

Затем они привязали обезглавленный труп Овика к лошади и уехали, волоча его за собой.

Сашка вылез из стога, он смотрел на то место, где убили его друга. Теперь он остался один. Совсем один. И вокруг орки. И он ничего не умеет и ничего не знает в этом мире. Сашка подобрал одну кроссовку, она слетела с ног Овика, второй не было. Обувь Овика совсем расползлась. Надел кроссовку на ногу и так, ковыляя, в разномастной обуви, поплелся на юг, куда увезли тело друга.

Глава вторая

Селиман, главный жрец бога Великого Ивхе, проснулся рано: опять сильно ныла спина, а ноги... ноги у него болели не переставая вот уже несколько лет. А ведь он и не такой уж и старый. Даже совсем не старый. Ни одного седого волоса нет. Конечно, определить это на выбритой голове сложно, но ведь волосы растут не только на голове. К примеру, на груди. И очень даже обильно. У других жрецов, даже его младше, грудь осыпана седыми волосами, а у него они как были иссиня-черными в молодости, так и остались такими же.

Про других жрецов, которые его моложе, он, конечно, немного погорячился. Из двенадцати младших жрецов только двое его старше, а из оставшихся десятерых семеро еще совсем сопляки, давно ли волосы над верхней губой стали расти? И все семеро калеки или почти калеки. Кто хромым, кто плохо видит, кто почти глухой. Двое и вовсе встают с ложа только на время обряда жертвоприношения. Нелегко было таких помощников подобрать, но подобрал же. До этих ущербных были другие. Молодые, сильные и наглые. И где они теперь? Давно уже изжарены и съедены орками-храмовниками. Туда им и дорога. Потому что если не они, то к оркам на обед попал бы он. Пятерых он сам успел, придравшись к каким-то мелочам, отправить в статую Великого Ивхе, но с двумя не успел. Но тогда ему повезло, и он был моложе. И ноги еще не болели. А теперь вот и спина начала. Но все равно, даже сейчас он побьет любого из этих двенадцати.

Семеро молодых – калеки, а пятерых пожилых тоже опасаться не следует, за пятнадцать лет, как он стал главным жрецом, никто из них так и не посмел бросить ему вызов. А сейчас и подавно. Эти уже стары и понимают, что им долго не удержаться у власти – тут же налетят коршунами другие, помоложе, и заклюют. Нет, не эти семеро молодых калек, есть и другие. Старшие жрецы остальных двенадцати храмов Великого Ивхе. Он ведь и сам был когда-то, пятнадцать лет назад, таким же старшим жрецом. А здесь главным жрецом был Ильбан, двухметровый здоровяк. Кто с таким на поединке справится? А Селиман смог. Никто не знал, что у него настолько тонкий слух.

Ильбан соперником его совсем не считал. Трехпудовое двухметровое копье, заканчивающееся длинным острым лезвием, Селиман еле-еле приподнял двумя руками, зато в руках у Ильбана копье казалось пушинкой, настолько легко он его держал. Соперникам завязали глаза, оставив их в противоположных концах закрытой сеткой по всему периметру арены. Селиман перехватил копье поближе к середине и, натужись, засеменил, стараясь не производить шума, в другой конец арены. И вовремя. Он услышал грузные шаги Ильбана и свист копья, идущего широким двухметровым полукругом на уровне груди Селимана. Но Ильбана вместо груди соперника встретила пустота. Он, как понял Селиман по раздавшемуся шуму, просто опешил. Главный жрец стал вертеть во все стороны своим грозным оружием, но везде встречал все ту же пустоту. Тогда Селиман нарочно вскрикнул, дав понять Ильбану, в какой стороне он находится, и сел на пол арены, прочно держа тяжелое копье, поддерживая его своим телом. Сидя это получалось намного лучше.

Свист копья Ильбана прошелся над головой Селимана, но тот затих, ничего не предпринимая, его чувствительные уши слышали, что его противник находится еще далеко от него. Ведь он держал копье за середину толстого древка, а следовательно, двухметровое копье превращалось всего лишь в метровое. Зато Ильбан, используя свои длинные руки, мог наносить смертельные удары на расстояние до двух с половиной метров. За счет этого он и выигрывал все предыдущие поединки. Четырнадцать голов его невезучих противников украшали вход в храм бога. И вот теперь он хотел заполучить пятнадцатую.

Ильбан, продолжая вертеть копьем вокруг себя, поступательно двигался в сторону сидящего Селимана. Еще немного, еще... все, можно. И Селиман, напрягая все силы, с раз-

маха ткнул копьем туда, где по его расчетам должен быть живот Ильбана. Раздался утробный крик, рядом с Селиманом упало на пол копье Ильбана, а немного спустя раздался шум от падающего тела главного жреца. Селиман по-прежнему продолжал тыкать копьем по телу противника. Но раздался удар гонга. Все! Он победил. Теперь он – главный жрец. Но он знал, что уже через три месяца, в ночь полнолуния получит вызов на поединок от одного из жрецов. Сейчас понабегут, посчитав его слабым противником. Но только теперь он, Селиман, будет определять оружие поединка. А он выберет копье подлиннее и полегче. Пусть попробуют с ним сладить!

И ведь пытались! И не раз и не два. Двенадцать раз. И двенадцать голов украсили вход в храм Великого Ивхе. Вначале набросились младшие жрецы главного храма, а затем очередь пришла и старших жрецов провинциальных храмов. Они приезжали только четыре раза в год в дни полнолуния на большие обряды жертвоприношений, и за ночь обряда придраться к их ошибкам, отправив их в статую Великого Ивхе было трудно, очень трудно. Особенно если учесть, что они были готовы к тому, что он заготовит для них ловушки. Но проходили полнолуния, очередной претендент на его, Селимана, голову, расставался с головой сам, и, наконец, все поняли, что он им не по зубам, притихли, смирились. В позапрошлом году один из них, польстившись на то, что он с трудом отстоял обряд, а после его завершения упал в беспамятстве на руки младших жрецов, вызвал его на поединок. И двенадцатая голова в назидание остальным украсила вход в храм Великого Ивхе.

Может быть, ноги Селимана и ослабли, но слух остался таким же, как и в молодые годы. Куда им, слепым, против него, зрячего! Разве страшна повязка на глазах, когда у него есть еще и уши? И вот сегодня предстоит ночь весеннего полнолуния, ночь большого обряда всеожжения во имя Великого Ивхе, после которого он обязан спросить у присутствующих двадцати четырех жрецов, есть ли среди них тот, кто готов вызвать его на поединок крови.

Мои младшие жрецы не пойдут: либо стары, либо больны. А старшие жрецы других храмов? Есть среди них несколько таких, кто говорит подобострастные слова, целует при встрече его сандалию, а сам точит острие копья, мечтая свалить его и самому стать великим жрецом.

Гандин, один из этих двенадцати. Он моложе Селимана на десять лет. Сильный, рослый, уверенный и властолюбивый. Когда Селиман в поединке свалил Ильбана, Гандин еще не был старшим жрецом своего храма. А когда стал, то желающих дать поединок ему, Селиману, уже не осталось. Все поняли, что не просто так, не из-за везения он побеждал. А Гандин умен. За эти десять с лишним лет, что приезжал на обряды большого всеожжения, не дал никакого повода поймать его на ошибке и отправить в котел. Этот будет ждать еще несколько лет, до тех пор, пока Селиман совсем не ослабеет, только тогда он будет бить наверняка.

Гандин – редкий случай, когда сила и ум проявляются столь удачно. Обычно ведь как? На поединках побеждает более сильный и ловкий. И голова здесь совсем не нужна. Взять хотя бы его предшественника, Ильбана. Глуп, как пробка. Как только еще научился читать! А старшие жрецы остальных храмов? Такие же. Кроме Гандина и еще, может быть, парочки, у которых есть хоть немного мозгов. Остальные – большие тупицы. Но хоть и тупицы, а понимают, насколько смертельно бросать ему, Селиману, вызов.

А немного мозгов не помешало бы. Несколько лет назад он копался в старых свитках, дырявых и трухлявых, чудом сохранившихся с древних времен. Некоторые рассыпались прямо в его руках. Значит, не одно поколение главных жрецов не брало их в руки. И напрасно! Один из этих свитков, написанный архаичным языком – как только ему удалось прочесть! – устами одного из первых главных жрецов рассказывал о событиях древней истории Атлантиды. Никто, наверное, кроме Селимана, во всем Атлантиде теперь не знал истоков появления храмов Великого Ивхе и Ужасного Паа. И самое главное, не знал, как и откуда

рядом с людьми обосновались орки-храмовники. В древние времена предки орков-храмовников ничем не отличались от современных диких орков, разве что были еще примитивнее. А причиной их возвышения явился посланец с неба, знак Богов – Черный камень. Долгие дни тряслась земля, лил, не переставая, дождь, нигде нельзя было скрыться от пронизывающего ледяного ветра. А когда, наконец, выглянули робкие лучи солнца, вся земля Атлантиды лежала в развалинах, погибли города, запустели селения, перестали приезжать купцы с далекого востока, из страны Копт и страны Шумер. С тех пор, как ни искали пути и дороги в эти страны, корабли возвращались порожняком. Может, и не было их? Но тогда откуда же приходят Посланцы?

А Черный камень боги направили на одно из становищ орков. От небесного камня по ночам исходило темно-красное свечение. И орки, которые были такими же дикими, как их современные собратья, под влиянием божественного пришельца изменились. Даже внешне, потеряв почти всю свою шерсть. Не все орки прошли божественное испытание, многие умерли. И много рождалось невиданной до той поры внешности: кто без ушей, кто без рук или ног, а кто, наоборот, имел какие-либо излишки своей физической сути.

А несколько поколений спустя орки, изготовив из божественного посланца божественные мечи, пошли на юг, растекаясь по всему Атлантису. Жалкие человеческие поселения, уцелевшие после катастрофы, падали к их ногам одни за другими. Что они могли противопоставить железным мечам? Каменные топоры? Подчинив людей, орки загнали гномов в глубь подземелий, а эльфы растворились в лесах на Диком Западе.

А потом появились храмы, воздвигнутые Ужасному Паа и Великому Ивхе. И появились жрецы при них. Так же, как и сейчас, только тогда все было наоборот: орки-храмовники приказывали, а жрецы подчинялись, густо поливая человеческой кровью алтари Ужасному Паа и сжигая жертвы в статuae Великого Ивхе.

Не сразу орки нашли тех, кто стал жрецами, люди жили родами, все внутри рода были одной семьей, и никто не хотел убивать своих родных по приказу орков. Вот тогда и нашлось одно маленькое племя, кочевавшее по каменистой южной полупустыне и жившее доходами от проведения караванов через свои земли, оказавшиеся удобно расположенными между племенами Атлантиды. Племя кочевников, караванщиков и купцов. Его, Селимана, племя. Теперь они являются властителями жизни и смерти человеческих поселений. Точнее, так он считал еще несколько лет назад, пока не раскопал эти свитки. Теперь-то он понимает, что они, жрецы и жреческие служки, все они выполняют давнюю волю орков-храмовников.

Мясо свежее и мясо жареное, а еще и обилие человеческой крови – вот что такое храмы. И все это для набивания орочьих желудков. Кто был тем первым хитрецом, искусно придумавшим всю эту конструкцию, свитки не сообщили. Но придумано действительно умно, с расчетом на многие века. И ведь получилось. Все уже забыли события древних времен, храмы действуют, а жрецы работают на желудки своих слуг-орков. Не будь этих храмов и жрецов, люди давно бы взбунтовались, получив со временем в свои руки железное оружие. Перебили бы храмовников, да и диких орков тоже. Смогли же они двести лет назад договориться и пойти против гоблинов. И где сейчас гоблины? А ведь первоначально люди хотели выступить против диких орков, но жрецы запретили. А кто жрецам сказал? Орки-храмовники.

С тех пор как Селиману открылись тайны прошлого, он стал по-другому относиться к храмовникам. Опасные твари, с такими нельзя ссориться, но и нельзя выполнять их советы, все-таки времена изменились. Жаль, что главный жрец храма Ужасного Паа столь глуп, что, сам того не понимая, выполняет все требования храмовников. И его предшественник, Ильбан, выполнял, хотя считал, что именно он приказывает оркам-храмовникам, его слугам.

А еще в тех свитках говорилось, что на месте старого Лоэрна располагался громадный город, погибший при падении Черного камня. На его развалинах и был выстроен старый

Лоэрни, первая столица королевства. Но сто с лишним лет тому назад герцог Пиренский, прадед Черного Герцога и тоже прозванный Черным Герцогом, захватил и разрушил столицу, уничтожил династию. А затем разрушил до основания город и вырезал всех его жителей. Нынешний Лоэрни сейчас в совсем другом месте. А там по-прежнему развалины.

Свитки говорили, что древние жители Атлантиды, точнее жители города, что размещался на месте старого Лоэрна, обладали знаниями, силой и могуществом, данным им богами. А главные магические предметы хранились в подземельях разрушенного города. Не с целью ли поиска этих артефактов Черный Герцог разрушил Лоэрни? Разрушил до основания, судя по всему, проникнув в старое подземелье. Удалось ли ему их найти? Скорее всего, не успел. Его потомки ничем не выделялись среди других герцогов Атлантиды. Будь у них магические артефакты, то это зримо проявилось бы. Значит, не успел. Сразу же после разрушения старого Лоэрна подошедшее объединенное войско разбило армию старого Черного Герцога, а сам он, тяжело раненный, едва смог добраться до своего Пирена.

Три года назад Селиман послал в Пирен Абамию, одного из своих младших жрецов, единственного, кому он решился доверить это дело. Абамию от его имени предложил нынешнему Черному Герцогу помощь, пообещав подчинить ему отряды диких орков. Пришлось действовать через храмовников, но те смирились, согласились. Не так уж они и сильны!

А этой зимой Абамию должен был вместе с людьми Черного Герцога проникнуть на развалины старого Лоэрна и попытаться найти вход в старое подземелье. Труп Абамии нашли совсем недавно, в самом конце зимы и далеко от того места. В герцогстве Амарис, рядом с пустынным трактом. Как он там оказался? Кто посодействовал? Черный Герцог или храмовники? Вопрос, который остался без ответа.

Но до чего же сегодня болят ноги! Надо будет дотерпеть до завтрашнего дня, а там после ночного обряда из храма Ужасного Паа ему привезут несколько больших бурдюков еще теплой крови. Ее подогреют, и он сможет полежать в наполненной кровью ванне с часок-другой. И боль отступит. Жаль, что на этом все и закончится. Понабегут храмовники и вылакают всю кровь.

А ведь все остальные жрецы думают, что бурдюки с кровью привозят именно для него, главного жреца. И Ильбан, наверное, так думал. Глупцы. Просто орки одного храма, где есть кровь, меняются с орками другого храма – на жареное человеческое мясо.

Но облегчение будет только завтра, а сегодня у него будет бессонная ночь. Ночь жертвоприношений. И ночь особенная. Сегодня день весеннего равноденствия, а ночью наступит полнолуние. Такое случается лишь раз в несколько десятков лет. На его памяти был один такой день, тогда он еще был простым служкой и не знал ничего о подробностях той ночи. Да и сейчас мало что знает. Ведь тогда о перенесении сообщили храму Ужасного Паа. Кто и где он, этот Посланец, так и не узнали. Известно только, что это произошло на землях Черного Герцога. Будет ли сегодня переселение? И кто получит известие: его храм или храм Ужасного Паа?

В свитках про переселение сказано очень мало. Дескать, появляются посланцы с другой стороны мира, скрывшейся после катастрофы, и это посланцы Света или Тьмы. Двадцать восемь лет назад прибыл посланец Тьмы. В храме Ужасного Паа полыхнуло холодом, в воздухе появились снежинки, которые тут же растаяли. Когда прибывает посланец Света, то, наоборот, рядом с алтарем должно растекаться тепло. Тепло? Алтарь в его храме и так, сам по себе, дышит жаром жаровни. И как тут узнать, был сегодня Посланец или нет? И если был, то где он появился? А ответ должен предстать ему, Селиману, верховному жрецу. И старшие жрецы двенадцати храмов должны ему помочь. Но как?

Да, ночь будет для него тяжелая. А если кто-нибудь из жрецов захочет вызвать его на поединок? Хватит ли ему сил? Не посмеют! Если и найдется такой глупец, тогда тринадцатая голова украсит вход в его храм. В назидание остальным.

Селиман потянулся, боль тупо отдалась в его спине. Взял колокольчик, позвонил, и в проеме возникла молодая наложница, рабыня. Он не очень доверял женщинам из своего племени. Кто их знает, что у них на уме? Подсыплют порошка в день накануне ночи всесожжения, а утром вызовут его на поединок, и он, сонный или больной, будет еле-еле ворочать руками и ногами. Нет, уж лучше наложница. Тем более наложниц воспитывали в храмах для жрецов чуть ли не с младенчества. Жаль, что приходилось их отправлять в статую Великого Ивхе – сразу же, как только у них рождался первый ребенок. Потому что жрецы могли быть рождены только от женщин их племени.

Наложница принесла благоухающих мазей и тщательно намазала Селиману ноги и спину, стало чуть полегче. Затем последовал плотный завтрак, разбор событий за прошедший день, подготовка к ночному большому жертвоприношению. Так в мелких хлопотах прошло полдня. В меру сытный обед и длительный послеобеденный сон – ведь предстояла бессонная ночь. После сна бодрящая ванна, легкий ужин, и наконец, когда последние лучи заходящего солнца погасли на западе, наступила ночь, равная по длительности дню. Ночь полной луны!

Селиману помогли облачиться в черную одежду, которую носили жрецы Великого Ивхе. В отличие от них жрецы Ужасного Паа одевались в одежды белого цвета, которые при первых же минутах обряда окрашивались кровью из перерезанных глоток их жертв. В их же храме крови не было, жертвы сжигались, и, возможно, поэтому традиционно преобладал черный цвет.

А вот появились и сегодняшние жертвы. Десятки, сотни невольников. В основном старики, калеки и дети, то есть наименее ценные рабы. Хорошего сильного раба или крепкую рабыню почти невозможно было встретить в этой печальной процессии. Если такие изредка и встречались, то это были люди, пойманные за убийство.

Вереница людей, охраняемая орками, медленно двигалась к медной статуе Великого Ивхе, представляющей собой полость, внизу которой горел огонь, и с боковым отверстием, откуда орки доставали уже прожаренные остатки своих жертв. Сколько же сегодня их прошло через его руки и руки его помощников? Селиман не считал, да и зачем это нужно? Он не питал никакой жалости к убиваемым пленникам, как не питали жалости и десятки поколений жрецов храмов обоих богов.

Приближался рассвет, но и цепочка пленников уже почти иссякла. Вот старик, которого затаскивают на помост орки, вот молодой мужчина со свежей культей вместо правой руки – уже не работник, потому и отправили сюда, вот два рыжеволосых мальчика лет десяти-двенадцати, близнецы, вероятно, хозяин посчитал, что их еще долго нужно кормить, прежде чем они начнут отрабатывать потраченную на них пищу. Старик, испуганно смотрящий вниз на пылающее жаром отверстие. Толчок. Безрукий мужчина, обреченно взошедший на помост. Толчок. Мальчишки, плачущие и жмущиеся друг к другу. Один толчок на двоих. Как все это однообразно и нудно. Все! На сегодня все! Осталось только спуститься вниз, к подножию статуи и произнести заклинания.

Вокруг спустившегося жреца встают небольшим полукругом старшие жрецы остальных храмов. Двенадцать человек и он, тринадцатый, во главе. Жрецы встают каждый на свое строго отведенное место. Селиман стоит, обратившись к северу, а жрецы занимают места так, как расположены их храмы, с востока на запад. Идут слова заклинания, столь привычные в этом храме. Четыре раза в год повторяется этот обряд. Что означают слова заклинания и на каком они языке – об этом не сказано даже в свитках. То ли первые жрецы не знали этого, то ли сведения об этом были в тех рассыпавшихся от времени манускриптах. Теперь уже не узнать.

Слова заклинания те же, что и три месяца назад, и год, и два, но воздух возле Селимана почему-то начинает густеть и, несмотря на появившиеся первые лучи солнца, ночная

темнота совсем не проходит. Неужели Посланец? И выбран его храм! Посланец Света или Тьмы? Что будет: холод или тепло? Сгустившаяся темнота неожиданно взорвалась брызгами темных сгустков, вокруг Селимана расточился свет, но свет не яркий, а какой-то вечерний. Полыхнуло запахами лета, легкого дождя и свежего леса. Неожиданно позади Селимана ударил луч света, и вдруг все исчезло.

Главный жрец продолжал неподвижно стоять, ожидая продолжения, но его не было, и он понял, что все закончилось. Посланец появился, и это посланец Света. Но где он, где его искать? Селиман обернулся и увидел рядом с ногами жреца из храма, что на землях Амариса, слегка обгорелую полоску земли. Вначале он подумал, что сгоревшие угли выпали из статуи Великого Ивхе, но понял, что это не так. Это был след знака. Полоска была рядом с ногами амарисского жреца, но не прямо перед ним, а чуть ближе к жрецу из Гендована.

Значит, переселение произошло где-то в районе чуть севернее Амариса со сдвигом к Гендовану. Кстати, где-то там нашли труп его младшего жреца Абамия. Значит, там посланец Света. И его нужно как можно быстрее найти и убить. Об этом он возвестит завтра в полдень. Завтра? Нет, уже сегодня. Нужно скорее заканчивать обряд, сил совсем уже не осталось, и пора идти отдыхать. В полдень возвестить волю Великого Ивхе, а потом его ждет ванна из крови, которая прибудет из храма Ужасного Паа. Всю ночь там также двигались вереницы пленников, клавшие головы на алтарь, и главный жрец, перерезая им горло, окроплял их кровью священный камень Ужасного Паа. Кровь стекала вниз по желобу в специально приготовленные бурдюки. Часть доставалась местным храмовникам, часть шла сюда.

Все! Обряд закончен. Можно наконец идти отдыхать. Но что это? Жрец Гандин выступает вперед и произносит слова вызова. Вызова ему! Но почему?

Арена – круглая комната диаметром в десяток метров, закрытая сеткой. На уровне человеческой головы за сеткой идет второй ярус, довольно широкий. По площадке яруса по всему его периметру разошлись двадцать три жреца, двенадцать младших жрецов главного храма и одиннадцать старших жрецов остальных храмов Великого Ивхе. Двенадцатый – Гандин, уже на арене. Он спокоен, даже презрительно усмехается. Вот появляется и Селиман, немного растерянный, но уверенный в себе. Подходят два орка-храмовника, завязывают противникам глаза и вручают длинные и тонкие копьа с острыми лезвиями на конце. Орки покидают арену, звучит гонг.

Селиман, выставив копье, внимательно вслушивался в звуки, доносящиеся со стороны своего противника. Вот тот стоит, начал движение в его сторону. Почему-то зашумели жрецы, а один из них неожиданно начал кричать, но начало крика захлебнулось. Да он же получил удар копьем в спину! А сзади жрецов стоят орки. Что же такое происходит? А Гандин уверенно движется в его сторону. Слишком уверенно. А шум на втором ярусе не смолкает. Что же происходит? При предыдущих поединках шум тоже был, но сегодня он особый. Жрецы удивлены и возмущены. Чем? А Гандин уже приблизился на расстояние удара. Еще один его шаг и можно бить. Можно... Как же больно!..

Селиман, выронив копье из своих рук, падал на арену, падал и не понимал происходящего. Кровь струйками билась, вытекая из его пробитой груди. Раздался удар гонга и одновременно с ним Селиман последним усилием в своей жизни сорвал повязку с глаз. В двух метрах от него стоял Гандин. Повязки на его глазах не было. В последние мгновения жизни Селиман понял, почему все так произошло. Гандин с самого начала поединка сорвал повязку, вот почему шумели жрецы. А орки вместо того, чтобы убить Гандина за нарушение правил противоборства, убили одного из его младших жрецов, который собирался крикнуть Селиману о происходящем. Но это была последняя мысль Селимана, бывшего главного жреца храма Великого Ивхе.

Двери арены распахнулись, вновь появились два орка. Один из них протянул Гандину острый меч. Другой за уши приподнял голову Селимана. Взмах мечом, и обезглавленное

тело падает на арену, а в руках храмовника остается голова проигравшего жреца. Проигравшего не Гандину, а оркам-храмовникам. Это поняли все остальные двадцать два жреца. Двадцать третий лежал мертвым с пронзенной копьем спиной. А спустя полчаса перед входом в храм появилась выставленная на шесту первая голова, которой начал отсчет своей власти новый главный жрец храма Великого Ивхе.

В полдень в храме Великого Ивхе собрались все мужчины племени жрецов, собранные из поселений, расположенных вблизи главного храма. Когда на помост перед собравшимися вошел Гандин, то все, кроме двадцати двух посвященных, упали на колени.

– Волею бога, Великого Ивхе, я, Гандин, главный жрец храма Великого Ивхе, говорю: сегодня на рассвете в наш мир пришел очередной Посланец. Тот из вас, кто сумеет доставить его сюда живым или мертвым, станет младшим жрецом храма. Искать Посланца надо к северу от Амариса. Если до следующего полнолуния Посланец не будет доставлен или не будет найден его след, то в ночь полнолуния здесь, в этом храме, должны собраться все посвященные. Мы будем просить Великого Ивхе показать нам путь Посланца. Да будет исполнена воля Великого Ивхе!

Спустя час новый главный жрец уже принимал ванну из крови, присланной главным жрецом храма Ужасного Паа. Двадцать восемь лет назад жрецы Ужасного Паа, который указал им на Посланца, так и не смогли им завладеть. Впрочем, то был посланец Тьмы. И тот Посланец был захвачен Черным Герцогом, накануне принявшим герцогскую корону после смерти своего отца. Но сейчас Посланца нужно было захватить любой ценой. Это был приказ орков-храмовников. А Гандин в отличие от незадачливого Селимана легко усвоил роль и значение храмовников в их мире. Как, впрочем, и все посвященные жрецы тоже. В ближайшие годы никто из них не осмелится бросить вызов Гандину. Если он, конечно, будет слушаться орков. А он умен, но не тщеславен, поэтому прекрасно понимает, что это только в его интересах.

А сегодня вечером он проверит наложниц этого болвана Селимана. Интересно, правда ли, что тот предпочитал тех, кто постарше? Если правда, то, значит, в его гареме сейчас множество юных девственниц. Хаммийцы, говорят, предпочитают аристократок, готовы выложить за них бешеные деньги. У него тоже будут аристократки. Если храмовники не наврали, то скоро они будут в изобилии. Многие знатные роды должны прекратить свое существование. Так задумал Черный Герцог. Так хотят храмовники. Человеческий род должен знать свое предназначение. Быть пищей для орков. Значит у него, Гандина, будет много работы. Много жертв, много невольниц. И это хорошо. Жалости – смешное слово – от него не дождутся.

Прошедший месяц, почти месяц, оставил новому главному жрецу прекрасные впечатления. Хорошо жил этот Селиман! Вот что значит главный храм. Все самое лучшее стекается сюда. Правда, орки-храмовники немного подпортили настроение от первых седмиц его правления. Наглые, постоянно требуют усилить поиски Посланца. Что в нем такого опасного? Интересно, кто он? Несколько сот человек его племени ушли на поиски Посланца, но пока безуспешно. Да иного и быть не могло. Пока доберутся до Амариса. Да и искать иголку в сене.

Кто он, Посланец – мужчина или женщина, старик или юноша? А может, только ребенок? И жив ли он? Этой ночью будет вновь полнолуние. Соберутся все старшие жрецы двенадцати храмов. Некоторые из дальних храмов так и не уезжали, иначе им не успеть вернуться к ночи полнолуния. А сегодня предстоит сделать большое заклинание. И даже пожертвовать одним из посвященных. Наверное, Есиком, старшим жрецом в Амарисе. Если Посланец еще на его землях. Но зато Великий Ивхе покажет нам этого Посланца. Жаль, что нельзя его разглядеть – будет виден лишь смутный сгусток, зато все окружение: люди, дома, деревья, все, что вокруг него, станет прекрасно видно. И тогда он буду знать, жив Посланец или нет. И если жив, то что его окружает. А значит, поиски пойдут легче.

Большие обряды жертвоприношения Великому Ивхе происходили четыре раза в год, в дни весеннего и осеннего равноденствий и в дни, когда была самая длинная ночь и самый длинный день в году. Малые обряды происходили в дни полнолуний, если они не совпадали с этими четырьмя датами. Число жертв, приносимых Великому Ивхе, было раза в два меньше, чем в ночь большого обряда. Были еще и обряды раз в семь дней, совсем малые, число жертв было столько, что обряд умещался в полчаса-час, редко шел дольше. Но сегодняшняя ночь – ночь предназначения. Сегодня нужно особенно задобрить нашего бога, чтобы он ответил и показал Посланца. Пусть не самого, а лишь его окружение. Поэтому обряд будет длиться всю ночь и число жертв будет обильным. Для этого выгребли из загонов всех рабов, ожидавших своей участи. Даже часть девственников не пожалели. Тех, кто постарше. И команды орков-храмовников сейчас собирают по всему Атлантису дополнительную дань будущими жертвами. Ведь неизвестно, не придется ли через месяц в следующее полнолуние вновь повторять обряд.

День тянулся долго, как это часто бывает, когда ждешь с нетерпением какого-нибудь события, приятного или, наоборот, удручающего. Накануне предстоящего события в его ожидании время всегда тянется медленно и тягуче. И если у главного жреца, чем бы ни закончилась предстоящая ночь, изменения в его жизни вряд ли произойдут, то один из двенадцати старших жрецов остальных храмов будущую ночь может не пережить. На кого из них покажет луч света, тот, скорее всего, будет преподнесен в жертву Великому Ивхе, чтобы бог, в честь которого из года в год, из века в век сжигались тысячи жертв, был умиловлен и снизошел для того, чтобы показать место, где накануне днем находился Посланец.

А ведь за многие сотни лет только через медную статую бога в главном храме прошло никак не меньше нескольких миллионов человек. Щедрую пищу получил их бог, а вместе с ним и орки-храмовники. И такое же количество жертв окропили своей кровью жертвенный камень в храме Ужасного Паа. Но еще были двадцать четыре храма в провинциях. Там размеры жертвоприношений хоть и были меньше, но людей тоже сжигали в медных статуях или перерезали им горло кремневыми ножами на жертвенных алтарях. Обильный урожай собран за эти столетия. И еще больший предстоит вскоре. Все земли Атлантисы содрогнутся, когда по ним пройдутся полчища диких орков в союзе с людьми Черного Герцога. А жрецы всех храмов будут им в этом помогать. И немало бессонных ночей предстоит провести жрецам. А когда поток жертв оскудеет, многие земли и города запустеют, тогда нужно будет вовремя исчезнуть. За эти годы он с помощью верных помощников подготовит место, где никто из храмовников его не найдет. Два-три помощника, полтора-два десятка тупых, но преданных только ему охранников, полсотни крепких рабов и пара десятков наложниц. Лучше помоложе, на вырост. Время все подготовить у него будет.

А пока можно подбирать людей. Один уже есть на примете. Шемел, младший жрец, хромой калека от рождения. Надо же, угораздило родиться с такой ногой – короче другой почти на целую ладонь. Но ведь ходит и даже бегают. Зато на арене не соперник. И Шемел это понимает, насколько перед ним он подбострастен. Хотя на самом деле нагл и бесцеремонен. Это хорошо, такие помощники нужны и очень даже полезны. Этот будет рыть землю, только чтобы его приблизили. И скоро приближу. Как только разберусь с этим Посланцем. После этого Шемел пусть начинает готовить людей и ищет место. Лучше подошел бы небольшой островок. Заранее завести туда рабов. Или местных обратить в рабство. Тех, кто помирней. А рабов все равно нужно завести. Пусть строят, налаживают хозяйство. И за полгода до исчезновения надо будет отправить Шемела в статую Великого Ивхе и заменить подобранную им охрану, отправив ее туда же. И тогда можно спокойно исчезнуть.

Вот уже и стемнело. Но яркая полная луна хорошо освещает все вокруг. Храмовники уже разожгли огонь под медной статуей Великого Ивхе, шесть сотен пленников готовы сгореть в жертвенном пламени. Готовы к обряду и посвященные. Пора выходить.

Для Гандина это был первый большой обряд, который проводил он лично, наверное, поэтому и вел он его с воодушевлением, а не с апатией и усталостью, которые доводилось видеть у Селимана. Казалось, что и сами жертвы в отличие от предыдущих обрядов свободно и быстро поднимаются по металлической лестнице, приближаясь к большой медной пылающей жаром голове статуи бога. Здесь они задерживались на несколько мгновений, а затем подталкиваемые орками-храмовниками подходили почти вплотную к громадному широко раскрытому рту Великого Ивхе. Главному жрецу оставалось только толкнуть очередную жертву и произнести традиционные слова заклинания. Но самое интересное и важное ждало всех, когда закончится обряд жертвоприношений и наступит момент общения с Великим Ивхе. Или с его духом. Правильный ответ никто не знал, да и особенно он никого не волновал. Ведь главное – нужный результат. Где же Посланец?

Главный жрец стоит перед статуей бога и произносит главные заклинания, сзади него полукругом разместились старшие жрецы провинциальных храмов. Гандин оборачивается, глядит на землю, где стоят жрецы. Будет ли знак? Где, рядом с кем начнет оплывать жаром земля? Но знака нет. А старший жрец храма Амариса неожиданно начинает дергать ногами, подпрыгивать, наконец, отскакивает в сторону: на том месте, где он стоял, плавится земля. Значит, посланец в самом Амарисе!

Стоящие сзади храмовники наваливаются на жреца, умелыми движениями заламывают ему руки, наклоняя его голову вперед и приподняв над землей, сноровисто несут его по лестнице на верхнюю площадку к распахнутому рту медной статуи. Гандин еле поспевает за ними. Жреца наклоняют над отверстием рта и мечом, появившемся в руке Гандина, жрец обезглавливается. Храмовники споро наклоняют обезглавленное тело над отверстием, туда потоком устремляется кровь, а затем следом летит и тело вместе с отрубленной головой. Жертва принята. Что ответит бог?

На площадке перед головой статуи Великого Ивхе возникает свечение, оно скрывает какую-то фигуру. Маленькую фигуру. Карлик? Невысокая женщина. Или ребенок? А рядом возникают еще четыре фигуры, они все более и более проявляются, обретая плоть миража. Черноволосый короткостриженный мальчик в изодранной одежде, высокий и грузный, богато одетый человек, сзади него надсмотрщик, узнаваемый по плети в руке и, наконец, смуглый и толстый хаммиец, вплотную подошедший к неясной фигуре, а затем протянувший к ней руки. Мираж полыхнул, сбив четкость объемного изображения, а затем все исчезло.

Что же это было? В самом Амарисе? Да. Рабовладельческий рынок. Рабовладелец, надсмотрщик и покупатель-хаммиец. И двое, выставленных на продажу: Посланец и мальчик. И все это было вчера днем. Потому что уже настало утро следующего дня. Пока еще скупые лучи восходящего на востоке солнца только-только стали пробиваться через ночную тьму, быстро тающую под быстро наступающим новым днем. Но и этот день пройдет, снова наступит ночь, и тогда из храма Великого Ивхе в храм Амариса уйдет сообщение о Посланце.

Если Посланец был вчера куплен и увезен в рабство, то за сегодняшний день его не смогли увести далеко, и нескольких дней не пройдет, как Посланца обязательно перехватят отправленные из амарисского храма орки-храмовники.

Через три седмицы стала поступать информация из Амариса. Гандин был вне себя от бешенства. Вместо того чтобы все силы бросить на поиски Посланца, амарисские жрецы затеяли разборки между собой, борясь за освободившееся место старшего жреца. К владельцам рабовладельческих рынков в Амарисе, конечно, сразу же были отправлены жреческие службы, причем посланы всеми борющимися за место старшего жреца, но правильно воспользоваться полученной информацией из-за разрозненности действий и интриг соперники не смогли. В итоге каждая противоборствующая сторона выслала отряды на поиски хаммийских купцов, но никто не послал гонцов вслед за отрядом храмовников, уводивших новых пленников для предстоящих обрядов жертвоприношений.

У купцов Посланца так и не нашли, а отряд храмовников, как выяснилось, двигался к их храму, гоня будущих жертв для обряда в ночь очередного полнолуния. И этот отряд прибыл сегодня. Посланца там тоже не оказалось. Но выяснилось, что пятерых пленников храмовники до цели не довели, они их просто съели по дороге. Вначале старуху, а потом, когда пленникам неожиданно удалось сбежать, при поимке убили еще троих: двух мужчин и темноволосого мальчика, очень похожего по описанию на того, кто стоял рядом с Посланцем. А одного так и не нашли. Мальчика лет тринадцати с длинными светлыми волосами. Он исчез бесследно на пустынной проселочной дороге неподалеку от северного тракта, соединяющего Амарис с Гендованом.

А ведь это промах орков. Посланец был в их руках, и они его упустили. Северный тракт пустынен. На десятки миль вокруг никто не живет. Раньше жили, но во время последнего вторжения диких орков все запустело. Еще остались какие-то постройки, даже, говорят, полусгнившее сено стоит в стогах, а людей нет. Ранняя весна, мороз по ночам, ни людей, ни еды, ни теплой одежды. Взрослый вряд ли выживет, а мальчишка? Сгинул? Это было бы лучшим выходом для всех. Хотя орки-храмовники, как он понял, предпочли бы видеть его живым. Но раз сгинул, то сгинул. Меньше проблем. Через два дня наступит новое полнолуние, и загоны для жертв ускоренно наполняются. Жертв должно хватить для умиловливания Великого Ивхе. Что он покажет на этот раз? Если будет темнота, значит, мальчишка сгинул.

Глава третья

Из Амариса в Гендован вело несколько дорог. Самой короткой и довольно оживленной была южная, вымощенная на значительном ее протяжении булыжником. Она была и самой безопасной: орки рыскали на севере, на всем ее протяжении хорошей защитой были рыцарские замки, пусть с небольшим, но надежным гарнизоном. За последние несколько десятков лет на этом участке только дважды орки прорывались через рыцарские земли, да и то в одном случае эта была небольшая орочья шайка, полностью истребленная рыцарским отрядом, даже не дав оркам достичь дороги. Во втором случае, произошедшем четырнадцать лет назад, орков было много: в тот год стояла холодная снежная зима, жестокий голод, разразившийся среди орочьих селений, заставил часть из них сняться с насиженных мест и откочевать на юг. Большая часть их орд была уничтожена отрядами рыцарей и городскими ополчениями, но части удалось прорваться далеко на юг, достигнув южной дороги, здесь пограбив и взяв в плен не успевших или не захотевших бежать местных жителей. Но с тех пор орки больше не тревожили людей, потеряв за ту голодную зиму большую часть орочьего населения. Хотя в других районах человеческих земель нападения орков были. Последним самым крупным из них было вторжение орков шесть лет назад на земли Ларского графства, входившего в домен короля Лоэрна. Одновременно с тем орочьим вторжением Черный Герцог захватил сам город – Ларск и вырезал всех защитников крепости, включая семью графа. Ходили слухи, что вторжение орков не было случайным: связанные борьбой с орками, вассалы графа не смогли прийти тому на помощь, а когда орки, наконец, были разбиты и остатки их бежали на север, то Черный Герцог уже укрепился в Ларске. За прошедшие годы орки должны были снова размножиться, поэтому на северной границе было неспокойно.

А вторая дорога в Гендован шла как раз по северной части провинции. Местность опасная, да и сама дорога была грунтовой, пролежала через лесные массивы. Небольшие орочьи шайки здесь появлялись нередко, но и жителей в этих местах совсем не было: кто же захочет селиться в таких неспокойных и опасных местах? Если бы еще лес был богатым на зверье, но и звери здесь почти не встречались, не меньше людей опасаясь нарваться на орков.

И вот по этой старой и запущенной дороге двигались два путника, чей внешний вид выдавал в них рыцаря и его оруженосца. Что они там забыли? Ни селений, ни рыцарских замков на десятки верст в округе не было. Для дозора против орков отряд был слишком мал. Впрочем, и оркам эти два путника были не по зубам, разве что для орочьей шайки в полсотни существ. Да и то не настолько орки были глупы и не настолько смелы, чтобы напасть на рыцаря с оруженосцем: потерять половину отряда, а другой – оказаться израненной ради двух человеческих существ и двух лошадей? Только сильный голод мог заставить их пойти на это. А шайку в десяток орков рыцарь смог бы положить даже один, без помощи оруженосца. Вот если бы оруженосец был один, то шанс у орков был. Впрочем, и оруженосец оруженосцу рознь. Ехавший с рыцарем был слишком юн, чтобы представлять смертельную опасность для орочьей шайки. Подросток со светлыми бровями, даже с рыжиной, не казался сильным воином. Четырнадцать-пятнадцать лет на вид, с веселым и задорным лицом, своим видом сильно контрастировал с его рыцарем, серьезным темнобровым молодым мужчиной.

– Какие пустынные места! И все из-за орков. Ястред, скажи, а почему нельзя их полностью уничтожить? Собрал бы герцог рыцарей с дружинами, города дали бы ополчение, прошли бы по всем орочьим местам.

– Ты думаешь, так легко их всех вырезать? – усмехнулся рыцарь.

– Но гоблинов еще двести лет назад совместное войско трех герцогов вырезало же!

– Вот именно, совместное войско. А сейчас разве герцоги объединятся? Каждый из них не прочь взять орков в союзники, лишь бы соседей-врагов ослабить. Да и орки не гоблины – размножаются стремительно. Допустим, собрали герцоги общее войско, прошлись по оро-чым землям, но ведь все равно им всех не вырезать, где-нибудь несколько семейств может сохраниться и через десяток-другой лет они снова расплодятся. Но это дикие орки, а ты забыл про храмовников. Тех герцоги не трогают.

– Но орки-храмовники и не нападают на людей?

– Не нападают. Но ты еще, Хелг, скажи, что они хорошие и правильные.

– Б-р-р... – оруженосец поежился. – Такая же мерзость, как и дикие.

– Ну-ну. А ведь храмовники спокойно ходят по нашим землям.

– И рабов забирают на жертвоприношения.

– А ты знаешь, Хелг, что там с ними делают?

– Это же известно всем, Ястред! На жертвенном камне им перерезают горло, окропляя камень в честь Ужасного Паа, а в храме бога Ивхе пленников сжигают в статую Великого Ивхе.

– А дальше что с ними происходит?

– А что?

– Куда деваются тела?

– ?

– Их поедают орки. Которые храмовники. Кто-то из них любит кровь и сырое мясо, кто-то предпочитает мясо жареное. Никто не знает, откуда появились эти храмы, за многие сотни лет все позабылось, но храмовники всегда там были.

– Но ведь жрецы Паа и Ивхе люди...

– Люди, – согласился Ястред, – а мясо жертв, даже их кровь, что собирается в выемке жертвенных камней, достается оркам. Двести лет назад войско людей уничтожило гоблинов. Тех было немного и вреда было немного. Но тогда хотели идти не на них, а на диких орков. Но жрецы запретили, и как думаешь почему?

– Почему же, Ястред?

– А я не знаю, может, даже наш король не знает. Но года два назад, еще до того, как я тебя взял в оруженосцы, встретился мне в трактире на южном тракте один знакомый рыцарь. Посидели мы хорошо, вина выпили с ведро. И в разговоре, конечно, пьяном, он возьми да и скажи, что жрецы подчиняются оркам-храмовникам, а не наоборот. Я тогда рассмеялся, а потом, уже позже, задумался: а что, если он прав? Что такое жертвоприношения? Это много мяса, много крови. Так неужели храмовникам понравился бы поход против их диких собратьев?

– И ты думаешь, это правда, Ястред?

– Не знаю, Хелг, не знаю. Но узнать хочу.

– А почему мы выбрали северную дорогу, южная короче и безопаснее?

– Не всегда короткий путь оказывается короче и не всегда безопасный безопасным. Здесь нам может грозить только большой орочий отряд, но они в таком количестве сюда не суются. А маленькие шайки нам не страшны.

Рыцарь неожиданно остановился.

– Смотри, человек!

На обочине дороги виднелась маленькая фигурка человека, привалившегося спиной и как-то боком к небольшому бревну. Когда путники к нему приблизились, то стало видно, что это мальчик лет тринадцати, довольно изможденный и одетый в какие-то лохмотья.

– Ястред, это мальчишка!

– Мальчик-раб, – сухо ответил рыцарь. – Волосы длинные.

– Беглый?

- Может быть, только откуда он бежал, здесь в округе ни души.
- Ты кто? – подъехавший к мальчишке Хелг спрыгнул с лошади.

Голубые глаза мальчишки были пусты и равнодушны, хотя на какой-то миг загорелись интересом, но тут же вновь потухли.

- Да он окоченел, Ястред!

– Было бы странно обратное, по утрам заморозки, да и днем не жарко, а это рванье его не согреет.

- Ты кто? – вновь спросил Хелг.

Мальчишка чуть покачал головой и слегка пожал плечами.

- Беглый? – спросил Ястред.

Мальчишка утвердительно кивнул головой, наклонив ее на грудь, светлые пряди волос упали на лоб.

- Ястред, он замерз.

- Я вижу.

- Ты ведь не бросишь его? Он же к ночи совсем замерзнет.

– Если орки не подберут... Странно, как он здесь очутился? Ладно, давай сделаем привал, разведи костер, дай мальчишке поесть, ставлю золотой, что он несколько дней не ел.

Хелг быстро расседлал обеих лошадей, задав им корм. Достал из седельной сумки копченое мясо, отрезав от него кусок и вручив его мальчишке, стал разводить костер.

Мальчик равнодушно посмотрел на кусок мяса, не спеша откусил от него, потом еще и начал алчно есть, вгрызаясь в него. Быстро проглотил пищу, теперь его стала бить дрожь. С трудом встав на ноги, одна из которых была в рваном башмаке, а другая и вовсе босая, он на нестигающихся ногах заковылял в костру. Стал греться, жадно впитывая тепло пламени костра.

Тем временем Хелг уже успел поставить кипятиться котелок с водой.

- Так кто ты? – на этот раз вопрос задал рыцарь.

Мальчик вздрогнул и тихо сказал:

- Сашка.

- Беглый раб?

Мальчик, опустив глаза, кивнул головой.

- Рассказывай, – приказал рыцарь.

- Меня захватили две недели назад, отвезли на продажу...

- Кто захватил?

- Не знаю, какие-то люди с оружием. Там и орки были.

- Орки? – нахмурился Ястред. – Где это произошло?

- Я не знаю, я не здешний.

Действительно, мальчишка говорил с сильным акцентом, старательно подбирая слова.

- Орки какие?

- Я не понимаю...

- Голые или в кожаных накидках?

- Накидок не было. Ничего не было, голые.

- Значит, дикие... Ну а дальше?

- Дальше привезли в город, отдали торговцу, он выставил меня и других на продажу.

Но появились какие-то люди, говорят, что люди герцога. Хозяин отобрал часть людей и отдал им. И меня тоже. За городом ждали орки, нас отдали им. Но эти орки были в накидках. Нас куда-то погнали. Овик сказал, что для жертвоприношения. А потом вечером мы сбежали. Долго куда-то шли, вымокли, когда переходили реку, ночью залезли в стог. А потом появились орки на лошадях. Наверное, нас искали. Стог копьями тыкали, Овика нашли и... они его убили. Забили плетью и увезли с собой. То, что осталось от него, увезли. Они пили у

него кровь... Орки... А меня не нашли, только бок задели. – Рыцарь обратил внимание на правый бок мальчика, кровавый свежий рубец проступал сквозь лохмотья рубашки.

Итак, мальчишка был рабом, беглым рабом. Но захватили его в набеge люди вместе с орками. Значит, законность рабства можно было оспорить: он не преступник, не кабальный должник и не раб по рождению. А вот с последним не так однозначно. Волосы! За пару седмиц они не могли чудесным образом так отрасти, значит, или мальчишка соврал, сказав, что его захватили в плен, или он к тому времени все-таки был рабом. Впрочем, проверить это несложно. Рабов хозяева клеймят, пусть не сразу, но клеймят. Если он был свободным до орочьего плена, то клейма на спине не будет. Что ж, проверим. Заодно посмотрим, что у него с боком.

Ястред подошел к мальчику, уже слегка согревшемуся у костра, и велел ему снять рубашку. Да и рубашка эта уже была – кусок лохмотьев, неизвестно как державшихся на худом мальчишеском теле. Надо же, вся спина в плетях, следы свежие, а вот клейма не было, значит, не соврал. И что с ним тогда делать? Оставить здесь? Погибнет. Взять с собой? Куда? Допустим, довезем до Гендована, а дальше что? Впрочем, решение можно пока оставить до окончания поездки. А одежда? В этой он ночь не переживет, замерзнет.

– Хелг, что будем делать с ним? Оставим или возьмем?

– Ястред, возьмем!

– Вот как? До утра он не доживет, замерзнет. Третьего одеяла у нас нет.

Хелг захлопал глазами. А Ястред усмехнулся.

– Ну, так как? Отдашь этому грязнуле свою запасную одежду?

Хелг растерянно молчал. Действительно, мальчишка был грязен. Оруженосец задумался, закусил губу, чувствовалось, что ему очень не хотелось отдавать свою запасную одежду. Ладно бы, еще свободному, а тут рабу, неизвестно откуда взявшемуся и с трудом говорящему на их языке. Но затем тряхнул головой и сказал:

– Отдам. Потом выстираю. Где ему сейчас мыться – не в холодной, почти ледяной воде?

– Тогда доставай сапоги, штаны и рубашку с курткой.

– Так тебя зовут – Сашка? – спросил Хелг, подавая мальчику свою запасную одежду.

– Да, – ответил тот, удивленно ее принимая.

– Бери, одевай.

– Это мне? – мальчишка, заторможенно сидевший у костра, по-прежнему не верил. И вдруг из его голубых глаз брызнули слезы. Он прижал одежду к груди и громко навзрыд заревел.

Хелг отвел глаза.

– Спасибо, – чуть слышно сказал мальчик.

Конечно, одежда Хелга была ему велика, но какое это имеет значение, главное, Сашка быстро согрелся, да и вода в котелке закипела. Хелг бросил в него какие-то сухие травы, распространился приятный запах. Теперь можно было попить горячей заварки. Все это время рыцарь с оруженосцем оставались в шлемах, но, сев у костра, они их сняли. Как Сашка и ожидал, оба были коротко, почти наголо стрижены – отличительный признак свободных людей, не рабов.

«А у меня длинные волосы, теперь они еще больше отрасли, – подумал Сашка. – Неужели мне наконец повезло и я наткнулся на хороших людей? Хотя не я, а они на меня наткнулись. Остаться с ними, лишь бы меня не бросили. А кем я у них буду? Да кем угодно, лишь бы не бросили».

Пятый день Сашка ехал вместе с рыцарем и его оруженосцем, ехал вместе с Хелгом на его лошади. В первый раз, стыдно сказать, он никак не мог взобраться на лошадь к Хелгу, пришлось рыцарю поднимать его за шкурку, как кутенка. А вот Хелг запрыгивал на лошадь легко и уверенно. «Эх, почему я раньше не научился? Хотя где бы мне учиться этому?»

За время поездки Сашка отъелся, нет, конечно, он так и оставался худым, но чувство постоянного голода уже не мучило. Одежда грела, а когда ехал с Хелгом на лошади, даже было жарко. Хотя под утро замерзал – все-таки еще весна. Но что интересно: ни насморка, ни кашля не было. Дома он уже давно валялся бы с температурой, а здесь здоров. Конечно, не как бык, но здоров. Старую одежду в первый же день выкинули, остались только трусы, да кожаный ремешок Сашка прихватил с собой.

На привалах Сашка бросался помогать Хелгу, собирал хворост, искал воду, пока тот расседлывал лошадей и кормил их. Потом они вместе их чистили скребками, Хелг свою, а Сашка лошадь рыцаря. Путешествие, скорее всего, приближалось к завершению, Сашка это понял по тому, что в седельных сумках почти закончился овес для лошадей. Скоро приедем в город, а там... Как ему ужасно хотелось, чтобы его оставили при себе, не прогоняли. Суровый молчаливый рыцарь и живой веселый оруженосец все больше и больше нравились Сашке. Хелг держался с ним ровно и дружелюбно, а по ночам даже делился своим одеялом. Лицо Сашка, конечно, вымыл. В первый же день, но тело было грязным, чесалось, а рана на боку зудела. «Значит, заживает», – сказал тогда рыцарь. Хорошо бы крепко подружиться с Хелгом. Пусть тот и постарше Сашки на год-два, но все равно почти ровесник. Тоже мальчишка, хоть и настоящий оруженосец. Сашка, конечно, завидовал и мечу, и кинжалу, висящим на поясе у Хелга.

«Мне бы такие», – мечтательно думал он. Очень хотелось потрогать оружие, но он вспомнил какой-то фильм, там мальчишка взял потрогать меч, а ему за это чуть не отрубили руку. Меч для воина священен. А Хелг уже воин, он уже нескольких орков убил. А Сашка только одному и смог по голове ударить той тяпкой, да и то удар оказался несильным. Но помог Овику. Тот молодец, смог того орка убить. А Сашка смог бы? Вот и получается, что меч носят мужчины по духу, а ему меч не положен. Он же трус.

Конечно, какой же мальчишка не мечтает взять в руки меч, представить себя сильным воином, рубящим направо и налево бесчисленных врагов? Сашка тоже не был исключением, но он со жгучим стыдом вспоминал, как он оцепенел, когда враги напали на семью Овика. Вот Овик был настоящим, не трусом, как он, Сашка. И когда бежали, тогда тоже. А он... Почему он так трусит? Какое-то оцепенение находит, липкий страх опутывает все тело, ноги становятся ватными. И когда в плену били плетью, Овик только зло, с ненавистью смотрел на мучителей. Нет, тоже кричал – ведь такая боль! А он, Сашка, плакал и просил, чтобы больше не били. И ноги целовал. Да, кусок дерьма ты, Сашка. Трус и слабак. Куда тебе до Овика, а тем более до Хелга.

Хелг веселый, постоянно что-то рассказывает. Сашка за эти дни стал лучше понимать чужой для него язык, а то, что до сих пор встречались неизвестные ему слова, так это не страшно – научиться! Главное остаться. Хоть кем. Хоть слугой, хоть рабом. Впрочем, последнее ему очень не нравилось. Рабом! А он ведь раб, пусть и без ошейника, и рыцарь, наверное, имеет право на него как на раба. Но Ястред хороший человек, это Сашка понял сразу. Накормили, одежду дали, с рабом бы так не обращались. У Ястреда, наверное, замок. Что же, для мальчишки там всегда найдется работа, а значит, кусок хлеба с мясом и постель, пусть не мягкая, но не на улице же он будет ночевать? Возьмут с собой?

– А что такое фэнш, Хелг?

– Фэнш? Кусок мяса с кровью, слегка зажаренный. Его еще отбивают деревянным молотком перед жаркой. А с чего ты заговорил об этом?

– Да, орки. Они, когда нас гнали на жертвоприношение, постоянно говорили: «Фэнш». И Овика, когда забили насмерть плетью, они смеялись и повторяли: «Сегодня будет хороший фэнш».

Рыцарь с Хелгом переглянулись. Найденыш только что подтвердил подозрения рыцаря об орках-храмовниках. Кстати, цвет глаз у мальчишки поменялся. Когда они его подобрали, они были светло-голубыми, а теперь потемнели, стали синими.

На пятый день они разбили дневной привал, рыцарь куда-то ушел, опять, наверное, проверить местность, а Сашка с Хелгом развели костер, поставив на него котел с водой.

– Завтра приедем в Гендован. А там... – Хелг удовлетворенно улыбнулся. – Ястред тебе понравится.

– Как понравится? – недоуменно спросил Сашка.

– Как мужчина, конечно, – улыбка расплылась на все лицо. – Ты ему понравился. С самого начала. Я думаю, тебе тоже Ястред понравится. Ну и я тоже неплох.

Сашка остолбенел. Нет, этого не может быть. Они же не могут с ним так! И сразу же Сашке вспомнился тот толстый покупатель, который полез к Сашке в штаны. Как ему было мерзко. А теперь, получается, что Ястред взял его с собой за тем же.

– Нет. Нет. – Побледневший Сашка почти впал в ступор. – Я не буду.

– Так тебя и спросили: хочешь ты или нет. Да ты не расстраивайся, тебе понравится. И Ястред понравится, и я тебе тоже понравлюсь, – Хелг, глядя на обалдевшего Сашку, громко и азартно засмеялся. Громко, очень громко! Он был чертовски доволен.

Сашка отчетливо почувствовал, как у него все похолодело внутри, а нижняя губа стала подрагивать, даже трястись. И ноги слегка подкосились. Его как будто окатили ушатом холодной, даже ледяной воды. А Хелг, глядя на остолбеневшего Сашку, только больше расмеялся.

– Я lie germ! – весело крикнул он.

Это слово Сашке еще было неизвестно, но и без этого ему стало все ясно: конец мечтам и надеждам. Его спасителям он был нужен лишь как игрушка на время скучного путешествия. Спасли, согрели, подкормили, а теперь можно и позабавиться, что взять с раба-найденыша? Это ведь так забавно: вселить надежды, а потом поставить его на место, место бесправного раба, делать с ним то, что давно желалось – издеваться над жалким и покорным рабом.

И этот Хелг тоже доволен до чертиков, вон как залиvisto хохочет, а ведь он Сашке очень понравился, думал, что станет другом. Сильный, смелый, веселый. Да уж, веселый, до сих пор издевательски смеется, наслаждается его, Сашкиным, падением обратно в грязь, из которой они его спасли. А он уши развесил. Одежду подарили. Да нет, не подарили, просто одолжили, чтобы не замерз, чтобы довезти целым и здоровым до города, а там...

Сашка снял сапоги, куртку, рубашку. Это все его, хохочущего Хелга. Пусть подавится. Затем на чуток остановился в некоторой нерешительности, но затем быстро снял и штаны, оставшись в одних обтрепанных трусах. Так, больше их вещей на нем нет. А вот ремень от брюк, это его. Все, прочь отсюда, прочь.

Хелг вволю насмеявшись – хорошая шутка, а? И найденыш на нее повелся, с удивлением смотрел на быстро уходящего Сашку. Чего это он? Но вот недоумение сменилось на понимание того, что произошло!

– Сашка, стой! Ты куда. Я же lie germ!

Сашка, уже значительно удалившийся по просеке, вдруг осознал, что они, Ястред и Хелг, не только его спасли, но стали его новыми хозяевами, хозяевами беглого раба. И теперь, что там у них за законы? Сами будут владеть или сдадут его за вознаграждение страже, а та... Бежать, нужно срочно бежать! И Сашка свернул к кромке леса и со всех сил помчался в его глубь. Холода он совсем не замечал, а ноги... да ступни не привыкли к лесным сучкам и колючим веткам и быстро закровянили. Но разве это важно?

Крики Хелга за спиной становились все глуше и глуше и вскоре затихли. Из покалеченных ступней капала кровь, но Сашке было все равно: он прекрасно осознавал, что до

следующего утра не доживет. Ну, может, не до утра, а протянет чуть дольше. Или меньше. Холод, ночной холод, заморозки, а он голый. Разве трусы смогут хоть как-то согреть? Он просто замерзнет, быстро замерзнет. Если, конечно, к тому времени его не обнаружат. Что тоже вполне возможно. Те, от кого он сбежал – те же орки, недаром местность пустынная, никто не живет. Значит, бродит здесь эта нечисть. Или Ястред с Хелгом захотят вернуть сбежавшего раба.

Вернут, а потом повалят и будут бить, насиловать и весело смеяться. За несколько дней с помощью плетей и издевательств выбьют всю гордость и решимость, отобьют охоту сопротивляться. Сам он добровольно будет ложиться под Ястреда, целовать ему ноги, чтобы только не били и дали кусок хлеба и глоток воды.

– Прощай, Сашка... Не повезло тебе. Но ты им не достанешься. Есть ремень, а крепкий сук найдется в лесу. Надо только отойти чуть поглубже, чтобы быстро не нашли, и...

Спустя полчаса Сашка смог приделать на крепкий и высокий сук петлю, сделанную из кожаного ремня, подтащил пару сгнивших бревен. Осталось только аккуратно забраться на них и всунуть голову в изготовленную петлю. И оттолкнуться. И тут Сашке вспомнилось, что люди, которых вешают, в момент смерти гадят под себя. Он представил, как он, Сашка, будет болтаться с изгаженными трусами. Значит, трусы надо снять. Теперь, если и обгадится, то на землю, не так будет стыдно. Мертвому стыдно? Мертвые сраму не имут – почему-то ему припомнились строки из истории. Но это про воинов. А он-то – жалкий раб. Да и не все ли теперь равно? Пора, вот уж всего колотит – то ли от страха, то ли от холода, – лес в глубине нес холодом и сыростью, солнце сюда совсем не проникало, даже днем было холодно. Градусов, наверное, пять, подумал Сашка. Надо решаться. Тем более вдали послышался лошадиный шум. Может, его ищут? Хотят поймать? Ну уж нет. Поздно. Не получите. Встать на бревнышки. Вот так, аккуратно. Теперь не спеша просунуть голову в петлю, ее завязать покрепче, и пора...

Сашка оттолкнулся от бревен, они завалились набок, и ременная петля туго впилась ему в шею. Стало сразу страшно и больно. Сашка захрипел, задержался в петле. Руки непроизвольно – организм требовал продолжения жизни – попытались пролезть внутрь петли, оттянув ее от горла. Но это не удавалось, петля продолжала затягивать горло. Сашка понял, что задыхается, и сил не оставалось сопротивляться. И хотя пальцы одной руки уже почти просунулись внутрь петли, сил все же не хватило, и наступила темнота...

Хелг слишком поздно побежал за Сашкой и, конечно, не успел, тот затерялся в лесу. Ястред, появившийся на месте происшествия, увидел одежду Сашки и догадался, что у мальчишек произошла ссора, Сашка на что-то обиделся, или Хелг его попрекнул данной найденшью своей запасной одеждой.

Вскоре вернулся ни с чем Хелг.

– Я пошутил. Глупо. Но не настолько, чтобы уйти без одежды. Он же замерзнет, Ястред. Из-за меня. Ну не мог нормальный человек так обидеться! А может, он ненормальный? Ястред?

– Что ты ему сказал?

– Ну, я пошутил.

– Что?

– Ястред, клянусь честью, это шутка, глупая. Я сказал, что ты спишь с мальчишками, и завтра по приезде в город это его ждет. А он сбросил одежду и убежал в лес.

– Глупо пошутил? Ну-ну. Мальчишке досталось в орочьем плену, потом добавилось у рабовладельца, неизвестно, что там с ним делали, вся спина в плетях, а ты сообщил ему, что многое повторится вновь. Так?

– Да, Ястред. Я виноват. Ну, сглупил. Пожалуйста, найдем Сашку. Он же замерзнет.

– Тогда быстро собирай лошадей.

– Ты его сможешь найти? Лес вон какой.

– Он босой, а значит, сразу же поранил ноги. Пойдем по следам крови.

Двигаться пришлось не спеша – следы не очень были заметны, но помогало то, что Сашка двигался в одном направлении. Хелг, ведущий свою лошадь чуть впереди Ястреда, неожиданно остановился и дико закричал: в метрах пятидесяти на толстом суку дергалось в конвульсиях обнаженное мальчишеское тело. Ястред бросился вперед, на ходу доставая меч, подбежал к дереву и одним ударом перерубил петлю. Тело Сашки упало на землю. Он не подавал признаков жизни, лицо посинело, язык вывалился.

– Ястред, он мертв?

Рыцарь достал флягу и попытался влить ее содержимое в горло лежащего мальчика. Найденыш дернулся, закашлялся и открыл глаза. Они были мутные и выражали нестерпимую боль. Хелг отвернулся...

Когда Сашка открыл глаза, то первым делом почувствовал, как сильно жгло горло, а по голове как били раскаленным молотом. Он увидел рядом с собой Ястреда и отвернувшегося Хелга.

«Значит, не успел, – ожгло его мыслью. – Снова плен, снова рабство. Теперь уже не сбежишь. Свяжут или наденут какие-нибудь кандалы. Если они есть, конечно. Наверное, нет. Значит, крепко свяжут. И получают то, о чем говорил Хелг. Гады! Надо было не медлить, пораньше в петлю лезть. Или руки чем-нибудь связать, чтобы не мешали удавиться. И он снова потерял сознание».

Когда Сашка очнулся, то с удивлением увидел, что лежит на плаще. А на нем снова та же запасная одежда Хелга. И трусы на нем, он это чувствовал. Одеди? Он же раб, к тому же грязный, но одежи, не побрезговали. Зачем? Ведь чтобы позабавиться, одежда как раз не нужна. Непонятно.

– Ястред, он очнулся. Сашка, как ты? Прости меня, я такой тупой, так глупо lie germ. Я же не знал, что ты так воспримешь мою lie germ.

Сашка захотел сказать, но горло сильно сжало, и он закашлялся, задохнулся. Чуть отдышался и уже не горлом, а губами спросил:

– Что такое lie germ?

– Lie germ? Это шутка, глупый розыгрыш.

«Шутка?.. Боже, какой же я дурень, – пронеслось в Сашкиной голове. – Он же шутил. Да ты и сам мог так пошутить. Даже делал так раньше. А сейчас не понял. Посчитал Хелга сволочью. Ты сам сволочь, в лес побежал, вешаться захотелось. Тряпка», – мысленно обругал себя Сашка.

– Так ты не знал, что такое lie germ? – склонилась над ним голова Ястреда.

Сашка покачал головой и, закусив губу, опустил глаза.

Рыцарь резко встал и пошел на другую сторону стоянки, прихватив с собой Хелга.

– Ну, ты по-прежнему считаешь, что он ненормальный?

– Ястред... Ястред... Я...

– Мальчишка сбежал из орочьего плена, ты ему сообщаем, что кошмар продолжится. Вдобавок смеешься. Так?

Оруженосец понуро кивнул головой.

– Смотри мне в глаза! Ты там смеялся. Я знаю, как ты умеешь смеяться. Но он-то думал, что это правда. Ты сказал, что пошутил, но он не знает этого слова и продолжал думать, что это правда! Бежит и вешается. Последнее его не красит. Так воины не поступают, но он не воин. Обычный мальчишка. Ну и что теперь? Отвечай!

– Я виноват. Меня нужно наказать. Очень сильно. Будешь пороть?

– Я думал, что уже больше не будет поводов. Но пороть я тебя не буду. Ты посмеялся над ним, ему тебя и пороть.

– Сейчас?

– Дурень. Мальчишку только из петли вытащили. Завтра с утра. Пойдешь к нему сейчас?

– Надо бы помириться и прощения попросить, но... лучше завтра, после порки, а то злость у него на меня пройдет, к утру бить расхочется.

– Ладно, сейчас я займусь им сам.

На следующее утро Сашка проснулся с ясной головой. Ястред принес ему суп – есть пришлось с трудом, – горло сковал спазм, но к концу завтрака Сашка почувствовал, что спазм стал меньше. А вот и Хелг появился. Его обидчик. Впрочем, какой обидчик, чего это он? Он сам, Сашка, не меньше виноват во всем случившемся. Даже больше Хелга.

Оруженосец зачем-то разделся до пояса, а Ястред снял кожаный пояс. Сашка все понял, застыв на месте.

– Подойди сюда, – обратился Ястред к Сашке.

Сашка на негнущихся ногах подошел к рыцарю. Тот ему протянул ремень с пряжкой, Сашка механически его взял, а Хелг повернулся спиной к нему, наклонившись вперед.

– Бей, сильно бей. Хорошо бей, – приказал рыцарь.

– Ты что? Зачем. Нет, нет... я не буду. – Ремень выпал из застывших пальцев мальчика. – Я не буду! – уже тверже и громче сказал Сашка.

– Ладно. Хелг, подними и подай мне ремень и встань ко мне спиной.

– Нет, не надо. – Сашка бросился к Ястреду, но тот легко оттолкнул его.

– Ты чего. – Хелг повернулся к Сашке. – Я же это заслужил. Справедливо заслужил. Да меня за это плетью надо бить, а не ремнем.

– Нет. – Сашка повис на руке Ястреда.

Тот снова легко освободился от мальчика, слегка оттолкнув его. Рыцарь намотал один конец ремня себе на руку, оставив свободный конец со свисающей пряжкой. Но Сашка неожиданно стянул с себя рубашку и встал рядом с Хелгом.

– И меня тогда бей. Я не меньше виноват. Бей!

Ястред задумался, потом опустил руку.

– Одевайтесь. Оба... Скажи мне, Сашка. А надо ли было тебе вешаться? Это не поступок мужчины.

«А я еще не мужчина» – хотел ответить Сашка, но сказал по-другому:

– А что мне еще оставалось делать. Опять в рабство? Ну или, в лучшем случае, просто замерзнуть в лесу? Рабом не буду! У меня на родине говорят: «Лучше умереть стоя, чем всю жизнь жить на коленях».

Рыцарь удивленно посмотрел на мальчишку. Красивые слова. И правильные. Да, есть в нем стержень.

– А зачем трусы снял?

Сашка опустил глаза и закусил губу.

– Зачем? – повторил Ястред. – Говори. Ну! Я жду.

– Я... я не хотел пачкаться.

– ?

– Когда людей вешают, то они гадят в штаны. Поэтому их и снял.

Слезы выступили на глазах Сашки. А Хелг и вовсе разревелся. И это Хелг! Ястред уже забыл, когда у того были слезы в последний раз. А ведь он еще и гордый. Сколько правильных качеств у этого худенького мальчишки. Из плена сбежал. Себя пытался убить, лишь бы не попасть обратно в плен, в рабство. Гордый – удивительно, откуда такая гордость, свойственная благородным! И Хелга бить не стал, а ведь тот жестоко над ним посмеялся, пусть даже и по глупости, но ведь из-за этой дурацкой шутки в петлю полез. Не стал бить обидчика, а наоборот, защищая его, сам встал под ремень с пряжкой. И что мне с ним делать? Завтра

приедем в город. Отослать на родину? А где его родина? Не доберется. Погибнет. А разве со мной не погибнет? Язык найденыш стал лучше понимать, хотя акцент по-прежнему заметный. И жизни нашей не знает, всему, что рассказывает ему Хелг, удивляется. Один пропадет. Погибнет или же ждет его рабский ошейник у жестокого хозяина. Запорет мальчишку. Взять с собой? Слугой? Но это тоже рабство. Но я ведь не буду к нему жесток, да и Хелг тоже. Хелг добрый парнишка, не даст Сашку в обиду, поможет. Подрастет, устроится в нашем мире, может быть, вспомнит, где его родина. Подстригу и отпущу со спокойной душой на волю. Помогу пристроиться, в замок или в какую-нибудь гильдию в городе, мальчишка вроде бы не глуп, а арифметику считает и вовсе прекрасно, не хуже некоторых купцов. Плохо только, что сейчас я не в безопасности, всякое в дороге может с нами произойти.

Из-за происшествия, случившегося накануне, до Гендована путники в тот день так и не добрались, заночевали снова в поле, хотя могли бы остановиться на ночлег в гостинном дворе – местность значительно оживилась, стали попадаться деревеньки, корчмы, даже промелькнула пара рыцарских замков вдали на холмах. Еще днем дорога резко свернула на юг, на ней стали попадаться крестьяне, едущие по каким-то своим делам, проскакало мимо несколько вооруженных людей, наверное, солдат из ближайшего замка.

На следующее утро, после завтрака, после того, как Сашка с Хелгом вымыли посуду, Ястред позывал мальчишку к себе.

– Сегодня к обеду мы будем в Гендоване. Что с тобой делать? Сам-то ты что думаешь?

– А можно мне с вами? – с надеждой спросил мальчик.

– Можно, – ответил Ястред. – Слугой. Так?

– Да, спасибо, – Сашка неуверенно улыбнулся. Это было совсем неплохо. Подумаешь, лошадей почистить, их накормить, воды натаскать, посуду помыть – за неделю поездки Сашка к этому уже привык, как будто делал эту работу всю жизнь. Да и не один же он, еще и Хелг делал то же самое вместе с ним.

– С такими длинными волосами ходят только рабы. Есть еще и домашние рабы, к которым у хозяев другое, лучшее отношение. Такие рабы подстрижены коротко, почти как свободные люди, только у них выбрита середина головы. И рабов клеймят. Но не всех. Среди домашних рабов встречаются неклеяемые. Тебя я клеймить не буду, и подстригу как можно короче, с полоской.

– Как с полоской?.. – Сашка опешил. – То есть я буду рабом?

– Конечно, ты же согласился быть моим слугой?

– А просто слугой, но свободным можно? – спросил Сашка.

– Нет, у нас такого нет. Слуги – они рабы, хоть и особые. И отношение к ним совсем другое, чем к обычным рабам. Свободные люди не могут быть рабами. Вот Хелг – свободный человек и мой оруженосец, хотя он и чистит мои сапоги и выполняет всякую другую работу, которую делают слуги. Но он воин и учится воинскому мастерству.

– А что, мне придется чистить сапоги и Хелгу?

– Конечно. Это обязанность слуги. Слуга вообще обязан выполнять все требования господина и его оруженосца. Слугу можно продать, он же все-таки раб, но я вряд ли это сделаю. И по седмицам в порку буду мягким, если ты, конечно, серьезно не провинишься.

– Меня будут бить?

– У нас рабов порют по седьмым дням. А у вас разве не так?

– А... а... – Сашка смотрел, широко открыв рот, да и глаза его заметно округлились.

– А что такого? Ты сам вчера просил этого, когда я собрался выпороть Хелга. Разве не так?

– Да не бойся, Сашка, – вмешался в разговор Хелг, – ну получишь десяток ремней в седмицу, да и не сильно будут бить. Я так вообще легонько, если Ястред велит мне тебя пороть.

– И сапоги тебе чистить...

– А что такого? Я же Ястреду чищу.

– Ты свободный.

– Тебе будет у нас хорошо. Я тебя буду учить владеть мечом. Я не рыцарь, мне можно учить раба.

– Раба, – горько сказал Сашка.

– Ну, решил? – сказал рыцарь, полез в седельную сумку и достал... РАБСКИЙ ОШЕЙНИК!!!

Сашка сглотнул и обреченно сказал... «НЕТ!»

– Пойми, мальчик, я могу тебя взять с собой только слугой. Другой возможности поехать с нами нет. Если не хочешь, тогда можем тебя подстричь как свободного, клейма на тебе нет, мочки ушей целы, довезем тебя до города, а там ты уже свободен. Да, насчет одежды не беспокойся, сапоги и одежду тебе оставим. Только куда ты пойдешь?

– Не знаю, – потерянно ответил Сашка, – но рабом больше не буду. Лучше смерть.

Днем, достигнув Гендована, Хелг, не доезжая городских ворот, ссадил Сашку на землю. Ястред дал несколько советов на ближайшее время, сунул мальчишке горсть серебряных и медных монеток.

– Ну, прощай, найденыш!

– Прощайте и вы, спасибо вам за все. – Сашка неожиданно для себя низко поклонился всадникам. – Вы хорошие люди, я вам очень благодарен, прощайте.

– Прощай, Сашка, – Хелг потрепал Сашку по его обритой голове, – пусть тебе повезет, – и поскакал вслед за своим рыцарем.

– Хелг, Хелг, как мне его жаль, пропадет в чужом городе. Но гордый, не каждому это дано. Но это его проблема, а у нас свои проблемы.

Глава четвертая

Хелг знал Ястреда уже шесть лет. Знал хорошо. И до их близкого знакомства он тоже, наверное, его видел, но мало ли рыцарей в замке ларского графа? Тем более рыцарей известных, даже знаменитых своими подвигами на ратном поприще. А какие бароны в Ларске! Поэтому и не обратил внимания девятилетний мальчик, сын графского десятника, на молодого, совсем неизвестного своими подвигами рыцаря.

События того лета Хелг не забудет никогда. Тогда он осиротел. Его отец был десятником личной сотни графа. Заслужил дворянство, а ведь начинал простым мальчиком-посыльным. Принеси то, сбегай туда, натаškai дров и воды для солдатского котла, а потом вымой котел. И даже почисти сапоги благородным командирам. Таких мальчиков было по несколько человек в каждой сотне. Если выживали, то, повзрослев, становились солдатами. А некоторые, как его отец, десятниками. Не все десятники зарабатывали дворянство. Но его отец сумел пробиться в десятники графской сотни, а там служили лучшие из лучших. Вот сотником ему уже было не стать. Ведь личной сотней командовал троюродный брат ларского графа виконт Вайтель. А правой рукой виконта был ларский барон. Даже баронеты не могли возглавить сотню. Что же говорить о новоявленном дворянине, даже не рыцаре? В рыцари его отец еще мог бы пробиться, но опять же – только теоретически. Для рыцарства нужен собственный замок и пусть небольшой, но феоде.

Вот у Ястреда есть и замок, и феоде. Замок – это слишком громко сказано. Скорее, каменный дом, окруженный деревянной стеной. Зато стена сделана на совесть: три метра в высоту, из почти метровых в обхвате деревьев, срубленных в первый день весны после захода солнца. Такой стене огонь не страшен, если не облить земляным маслом. Но от земляного масла, говорят, даже камни горят, не то что дерево. А феоде у Ястреда совсем небольшой – три деревеньки в окрест, – все, что в свое время выделил местный барон своему младшему сыну, предку Ястреда.

Богатый человек мог, конечно, купить земли, построить дом со стеной, даже каменной, заселить окрестности купленными рабами с семьями, но будь он трижды дворянином, рыцарем ему все равно не стать: не покупается рыцарство. Только младшие сыновья баронов и виконтов могли стать ими. Или, как крайний и редкий случай, если герцог или граф выделяли прославленному воину за его особые заслуги феоде из своих личных владений. Вот и получается, что рыцарем отец Хелга стать мог, но не... стал.

У Хелга судьба была одна: быть воином, другой дороги быть не могло. Зато как дворянин он уже мог начать свою карьеру не так, как отец, не мальчиком для посылок. Тех набирали из простолюдинов. В тринадцать-четырнадцать лет он мог стать оруженосцем у какого-нибудь барона, баронета или рыцаря. Это если повезет, а если нет, то тогда уже позднее, в юношеском возрасте записаться в солдаты-наемники. А среди наемных солдат были люди разных сословий: и простолюдины, и дворяне, и даже разорившиеся баронеты, а потому и пошедшие за небольшими, но деньгами.

То лето было очень жарким. Они, мальчишки, не вылезали из воды небольшой речки, протекавшей через графский замок. Даже младший сын графа изредка принимал участие в их забавах. Он хоть и виконт, а отнюдь не спесивый. Хелг знал детей ларской знати, многие из них задирали нос перед незнатным мальчиком, а то и просто не замечали. А Дарберн, хоть и не давал повода сблизиться, но и не отвергал Хелга и его двух друзей, сыновей ларских рыцарей. Хелг в их компании был самым незнатным, но друзья на это внимания не обращали. Во-первых, его отец был лучшим десятником в личной сотне графа, а во-вторых, только Хелг мог решиться, сбросив одежду, в зимний морозный день плюхнуться с размаха в прорубь. И не заболеть. Никто из его сверстников так и не смог рискнуть искупаться в

ледяной воде. А Хелгу даже нравилось. А голышом поваляться в снегу? Опять же это делал только Хелг под завистливые и восхищенные взгляды своих сверстников.

То ли жара стала причиной потери бдительности городской стражи, то ли предатели открыли изнутри ворота города, но на рассвете через восточные ворота в Ларск ворвались солдаты Черного Герцога. Это был передовой отряд, скрытно подошедший к ларским владениям. Против прорвавшихся врагов граф бросил почти все свои силы, оставив в крепости лишь полсотни своей гвардии. Сеча на городских улицах была злой и упорной, но у графа в городе было слишком мало сил, чтобы противостоять войску герцога.

Остатки воинов графа с трудом пробились обратно к крепости. Из отцовского десятка вернулось лишь шестеро. А они были лучшие в войске! Но и врагам эта победа на улицах города обошлась слишком дорого. Теперь все зависело от того, чьи подкрепления подойдут первыми: основное войско Черного Герцога или отряды вассалов графа Ларского. И что скажет король Лоэрна Френдиг, в чей домен входил Ларск? Но вассалам еще нужно было собраться, из Лоэрна не было никаких известий, а войско Черного Герцога уже подходило к городу. Понимая, что проигрывает, граф Винтольд Ларский вызвал отца Хелга и приказал ему с остатками его десятка, пока замок не взят в плотное кольцо, спасти младшего виконта Ларского. А вместе с Дарберном вывели еще пять других мальчиков, в том числе Хелга и двух его друзей. Детей в замке было, конечно, больше, но старшие мальчики пополнили отряды защитников замка, а совсем маленьким было не выдержать предстоящей долгой скачки. Вот и младших братьев Хелга, шестилетних близнецов Альса и Орса, с собой не взяли.

Воспользовавшись тем, что кольцо осады полностью не перекрыло выходы из замка, двенадцать всадников, ведя в поводу столько же запасных лошадей, на рассвете вырвались из города. А спустя час в город уже входили основные силы Черного Герцога. Узнав о прорыве небольшой группы из осажденного замка, герцог приказал бросить в погоню свою гвардию – его личную сотню.

– Куда мы едем, отец? – на коротком привале спросил Хелг.

– Видишь, куда движется солнце? Там наиболее сильные замки вассалов нашего графа. А южнее – Лоэрн. Его величество Френдиг должен нам помочь.

– А кто сильнее, Черный Герцог или Френдиг?

Отец Хелга нахмурился и, бросив осторожный взгляд на сидящего рядом виконта Дарберна, ответил:

– У Черного Герцога больше земель, он богаче, может себе позволить набрать побольше наемников, но у Лоэрна и Ларска есть ополчение. Оно, конечно, не столь умело в бою, как профессиональные солдаты, но пиренский герцог будет вынужден расплыть свои силы, оставляя их на захваченных землях. Если он возьмет Ларск, – отец снова бросил взгляд на виконта, немного запнулся, но упрямо встряхнул головой и продолжил, – то будет вынужден оставить в городе и крепости пару тысяч солдат. При штурме ларской крепости он потеряет не одну сотню воинов. Сколько еще положит, осаждая замки вассалов.

– Он захватит замок? А как же мама, Альс и Орс?

Отец Хелга еще больше нахмурился, за его ответом напряженно наблюдали солдаты и мальчишки: ведь в замке у большинства из них остались родные.

– Не знаю. Замок будет трудно удержать. Там не наберется и пяти сотен, если считать и придворных. А из них воины... – отец Хелга поморщился. – Женщин и детей трогать не должны, но при штурме все бывает. Да и Черный Герцог не очень и благороден.

– Но он же из древнего знатного рода!

– Благородство и знатность – разные вещи. Говорят, что герцог якшается с дикими орками, а разве благородный человек будет иметь с ними дело? Да и прадед герцога оставил о себе недобрую память.

– А что сделал его прадед?

– Потом расскажу, может быть... А теперь пора в путь, мы не можем делать большие привалы, до темноты нам нужно добраться до Барейна и успеть переправиться через него. И найдем ли мы еще лодки на этой стороне... За нами могли пустить погоню. Наверняка послали. Одно утешает: погоня при долгой скачке должна значительно растянуться. И если нас успеют догнать, то надеюсь, что врагов окажется немного, мы должны с ними справиться.

Десятник правильно решил, что за ними пустили погоню, только он ошибся в количестве врагов. Два, самое большое три десятка – большее количество пиренцы, осаждающие замок, не могли бы пустить за ними в след. Но отец Хелга не знал, что после их прорыва подошли основные силы Черного Герцога. И численность врагов, отряженных в погоню, изменилась. Сотня лучших солдат герцога против шестерых взрослых и шестерых мальчишек. Силы были слишком неравны.

Бешеная скачка с небольшими перерывами на привал длилась уже двенадцать часов. И если привычные взрослые еще могли держаться, то мальчишки совсем обессилили и держались в седлах из последних сил. Давно все пересели на запасных коней, привалы становились все длиннее и длиннее, но враги, растеряв по дороге больше половины отставших, приближались.

Солнце все ближе и ближе подступало к краю земли, заметно удлинялись тени, а сзади, в какой-то полумиле, уже скакали передовые вражеские воины. На пути беглецов встала река, за которой располагались основные замки вассалов графа. Далеко вниз по течению Барейна был Лоэрн, столица королевства, там тоже можно было укрыться. Слева располагались холмистые перелески, а по правую сторону дороги тянулся большой лес, через который дорога шла в Амарис, столицу соседнего герцогства. Три пути и нет времени на размышление.

– Ищите лодки.

– Есть! Две лодки, но все не поместимся.

– Мальчишек сажайте по трое в лодку, двое на веслах!

– А весел-то и нет...

– Искать!

Что же делать, если весла сейчас не найдутся? Можно, конечно, попробовать переправиться и без весел, но течение реки здесь быстрое и пока выгребешь на ее середину, враги уже будут здесь. А у них луки, это видно уже сейчас. Без весел на ту сторону быстро не переправиться, и беглецы попросту станут легкими мишенями как на стрельбище. То же самое, если спускаться вниз по реке. Не здесь, так чуть ниже достанут и всех перебьют. Сворачивать с дороги вправо или влево тоже поздно, тем более мальчишки уже почти не держатся, да и лошади вот-вот упадут. У врагов положение тоже не лучше, но их много и потеря даже половины из них положение не изменит. Еще несколько мгновений и враги приблизятся на расстояние выстрела из лука. И тогда все будет кончено.

– Ваша светлость! Спасайтесь. Спасайтесь, кто как сможет, бегите в разные стороны, мы постараемся их задержать, но их слишком много.

– Отец!..

– Беги, Хелг! Это приказ!

Десятник выхватил меч и, прикрывшись щитом, развернул лошадь в сторону врагов. Вместе с ним бросился на солдат Черного Герцога и его уполовиненный десяток. А враги все прибывали и прибывали.

В гвардии Черного Герцога были лучшие бойцы, но и в личной сотне графа служили лучшие из лучших. Когда погиб последний, шестой солдат графа, на земле осталось

лежать четырнадцать гвардейцев герцога. Оставшиеся враги разъехались по округе в поисках бежавших мальчишек.

Хелг бросился влево, в район холмов и перелесков. Бежал он долго, огибая холмы. Возможно, это его и спасло. Если бы он бежал напрямую через холмы, то на их вершине его быстро заметили бы, а так число преследователей, бросившихся в его сторону, оказалось меньше, чем число возможных направлений его бегства. А когда через четверть часа он совсем выдохся, ему попался каменистый овраг, в склоне которого Хелг заметил маленькое боковое отверстие, заросшее небольшим кустарником. С трудом протиснувшись через узкую дыру, он полез по лазу, который свернул в сторону и слегка расширился. Забившись в самый его угол, он лихорадочно стал подкапывать лаз ногами, сгребая сухую землю к месту поворота лаза.

Когда через некоторое время в дыру заглянул один из гвардейцев герцога, то он увидел пустой лаз, на расстоянии двух метров оканчивающийся задней стенкой с горкой нетронутой земли. Хелг просидел в этом убежище всю ночь, весь следующий день и только на вторую ночь покинул лаз. Он не знал, что трое из шести мальчишек были убиты нагнавшими их солдатами Черного Герцога, а поисками троих оставшихся враги занимались вплоть до вечера следующего дня. Если бы он не оказался столь терпеливым и вылез раньше времени из дыры, то был бы обнаружен и убит, как трое его сверстников. Спустя несколько дней течение реки прибило в нескольких десятках миль от места трагедии тело четвертого беглеца. Пятым был Хелг. А шестым, так и не найденным, был виконт Дарберн Ларский.

В отличие от Хелга Дарберн побежал не влево, а вправо, углубившись в лес. Солдаты герцога шли по его следам несколько миль, но след из-за быстро наступившей темноты все-таки потеряли. Что с ним стало, никто уже не узнал: с севера вторглась большая орда диких орков, заповнившая все пространство вдоль дороги на Амарис, разоряя и уничтожая человеческие поселения. Дарберн, уходя от солдат Черного Герцога, неизбежно должен был попасть как раз в центр движения этой орды и быть убитым или захваченным орками.

Судьба пленников орков в этом нашествии была известна: большую часть они убили на месте, съев сразу или закоптив впрок. Часть была уведена ими в их становища. Ни один из пленников не вернулся, пойдя оркам в пищу.

Четыре дня спустя после гибели беглецов и возвращения остатков личной гвардии Черного Герцога его отряды в ожесточенном штурме взяли ларскую крепость. Черный Герцог потерял при штурме более двух тысяч воинов. В живых из защитников не осталось никого. Тела убитых графа, его жены и двух старших сыновей выставили на всеобщее обозрение в центре главной площади Ларска. Через сутки их с почестями погребли в фамильном склепе династии. Были убиты и все родственники графа. Династия графов Ларских пресеклась.

Захваченных в замке женщин и детей куда-то увезли. Что стало с матерью Хелга и его младшими братьями, он так и не узнал. А ведь именно его братья были теми последними жертвами, которых сбросил жрец Селиман в жерло статуи Великого Ивхе в ночь, когда в Атлантисе появился Посланец.

С большим трудом протиснувшись через насыпанную на углу лаза горку земли, Хелг выполз из своего убежища. Долго лежал, вдыхая свежий ночной воздух. Когда затекшие за время сидения в скрюченном виде – более суток – ноги и спина наконец-то немного отошли, мальчик встал и пошел в сторону, противоположную той, откуда он бежал от преследователей. Шел всю ночь с небольшими остановками на отдых. Наконец, когда небо стало светлеть, Хелг увидел с правой стороны серебристую ленту.

– Барейн! Надо переправиться на ту сторону.

Хелг пошел вдоль берега реки в надежде отыскать лодку или какой-нибудь плот. Но ничего не попадалось. В конце концов, он остановил свой взгляд на широком бревне, лежащем рядом с водой. Вероятно, во время весеннего паводка его прибило к берегу с речных вер-

ховий. За летние дни бревно пообсохло и теперь вполне годилось как плавсредство, чтобы перебраться на тот берег. Хелг разделся догола, свернул одежду в узел, туда же засунул сапоги и небольшой кинжал, с которым он не расставался – подарок отца! Скатил бревно в воду, пристроил узел в ветках дерева так, чтобы одежда осталось сухой, и, оттолкнув бревно, поплыл через реку. Переправа удалась. На той стороне, наскоро обтершись штанинами, натянул на еще сырое тело одежду, последний раз взглянул на противоположную сторону, где погиб его отец, и пошел в глубь земель ларских вассалов.

На дорогу он смог выбраться только к полудню, а вскоре увидел на пригорке небольшой замок. Мальчика заметили издали, значит, в замке уже знали о нападении Черного Герцога на Ларск.

– Что тебе надо, мальчик? – мужской голос требовательно спросил из-за закрытых ворот.

– Я Хелг, мой отец десятник личной сотни графа Ларского.

– А где твой отец?

– Там, на той стороне. Он, наверное, погиб. Он вез младшего виконта, за нами была погоня.

– Давай, открывай! – Тот же мужской голос говорил кому-то за стеной.

Зашумели запоры, двери ворот стали открываться, и когда они распахнулись на ширину, достаточную для прохода, в проеме показалось бородатое мужское лицо.

– Давай, заходи.

Хелг вошел внутрь замка. Двери сзади него стали закрываться. Во дворе стояло несколько десятков человек, в основном мужчин разного возраста. Вооружены они были всяк по-своему. Кто с мечом, кто с рогатиной или топором. У некоторых в руках были луки, двое, самых сильных на вид, в руках держали секиры. Да и одеты все были разномастно. Кто в кольчугах, а кто из всего вооружения имел один шлем.

«Крестьяне рыцаря, – решил Хелг. – А где сам рыцарь? Наверное, вместе с другими идет на помощь графу».

– Так ты из Ларска? – спросил тот самый мужчина, вероятно, старший здесь.

– Да, – подтвердил мальчик.

– И что там происходит?

– На нас напали солдаты Черного Герцога. Напали внезапно. Ворвались в город. Милорд граф бросил против них почти все свои силы, но их было много. Отец из своего десятка потерял четверых. Потом заперлись в замке. А милорда виконта и с ним еще пятерых мальчиков его светлость приказал отцу вывезти из города, пока его полностью не захватили. Мы скакали весь день, потеряли половину лошадей, но у Барейна нас настигли. Их было много. Несколько десятков. Отец приказал нам бежать, а сам со своими солдатами бросился на врагов. Но их было очень много. Я спрятался в какой-то норе, кто-то из врагов ходил рядом, даже в нору заглядывали. Я сидел очень долго, потом ночью, уже другой, вылез, переплыл реку и вот пришел.

– А милорд виконт? Это был Дарберн?

– Да, милорд Дарберн. Но я не знаю, все побежали врассыпную. Отец так приказал.

– Надо бы послать гонца к барону Красеру, сообщить ему, – сказал другой мужчина.

– Там собирается ополчение, – пояснил мальчику первый мужчина. – И там есть воины.

У нас здесь все крестьяне.

– Косси, запрягай лошадь, поедешь к милорду барону.

– Ты голоден?

– Двое суток не ел.

– Отведи-ка мальчика на кухню.

Как ни странно, есть совсем не хотелось. Поев немного каши с хлебом, выпив кружку киселя, Хелг задремал прямо за столом. Один из мужчин взял мальчика за руку и отвел в какую-то комнату дома, указав ему на топчан. Хелг уснул моментально, успев только скинуть сапоги.

Когда уже стало темнеть, Хелга разбудил тот самый первый мужчина, имя которого он так и не узнал.

– Милорд барон приказал тебя доставить к нему. Он собирает ополчение, завтра поедут на то место, где вас догнали солдаты Черного Герцога.

Уже в полную темень Хелг с сопровождающим добрался до баронского замка. Мальчика сразу же отвели к барону. Тот сидел в зале за большим столом в окружении нескольких десятков вооруженных человек, по одежде – рыцарей или других явно не простых солдат. Все пили вино и, видимо, пили уже давно.

– Давай, мальчик, рассказывай, все что знаешь.

И Хелг, стараясь не упустить важные детали, вновь пересказал всю историю.

Барон и его окружение сидели с мрачными лицами.

– Отведите его на ночлег.

Рано утром Хелга подняли, сунули в руки большой кусок холодного мяса и подвели к уже оседланной лошади. Двор замка был плотно набит людьми и лошадьми. Появился барон, грузно вскочил на свою лошадь, открылись ворота замка, и кавалькада из сотни вооруженных всадников поехала на восток, к переправе через Барейн.

Ехали несколько часов, и еще столько же времени заняла переправа через реку. Переправлялись на плоту, по пять-семь человек с лошадьми. Хелг ехал с последней группой. Вступив на землю, он с содроганием смотрел на место разыгравшейся трое суток назад трагедии. Отца он узнал сразу, хотя лицо его было покрыто тканью да одежда была изгрызена – поработали хищники. Еще рядом лежали с такими же мешками на головах пять солдат его десятка, а рядом – трое мальчишек. Двое его друзей, сыновья ларских рыцарей, и баронет из друзей юного виконта. Самого виконта и другого баронета не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.